

АНДРЕЙ МИРОШНИКОВ

СНЫ

Март 1996 года

Предисловие

*«В тесной нише тишины,
Из разбитого бокала,
Чьи-то розовые сны
Ночь ленивая лакала»*

«Розовые сны» – это у других. Его «Сны» – коктейль психоделии с мистикой. Театр образов, похожий на пляску пламени, танго огня. «Актеры» – образы-марионетки, повисшие на струнах его настроения. Какое оно? Доброе. Романтическое. Грустное. Тоскливое. Горькое. Бездна. Неистовое. Настроение – радуга. Как у Бродского: «от нежности – до умоисступления» ...

Поэзия не бывает бесцветной. Мольберт поэта – яркие созвучия. Холст – впечатления. Краски – противоречия. Кисть – чувства. Андрей... Мирошников...

Поэт своего времени. Ночи. Чья муза – пленница Луны. Но строки находят его и днём. Они не более чем выстрадавший случай, наступающий нечаянно, врасплох. Случай, predetermined Судьбой. Цыганкой, чьи пророчества коварны и ревностно благосклонны... Пророчества – волны. Сбываясь, они выплескивают на берег жемчуг боли...

Боль – нормальное его состояние. А с ним по соседству – Тоска... Меланхолия... Ностальгия – «окружение радужных снов». «Снов», обрекающих на бессонницу. А вдруг «Бессонница» – его Нирвана?..

Клокочущая образность, гравюрный символизм – тональные приметы его поэзии, яркие блики таланта. «Образность возникает из-за потери» – написал Джим Моррисон. И потери пестуют талант? Как образы рожают «Сны», где динамизм перерастает в демонизм. С его свирепой жаждой свободы.

«Я весь игра света и тени» – сказал Андрей о себе. Домино – его образ. Внешняя распахнутость, эмоциональность – светлая сторона его философского мироощущения. У него особенный, тонкий взгляд на мир. То ли взгляд, то ли бездна вселенской тоски. «Болит душа» ...

При этом – он удивительно светлый человек. Его лирика – блюдец блюза, где нежным желе подрагивает грусть. Стихи о любви – лагуна, брошенная в шторм.

Поэзия, на его взгляд, обман, красивая ложь, в которую хочется верить. Пусть лжёт, это выглядит искренне. Ведь говорит не лицемер, а художник.

Его стиль – коллаж. Ампиры. Барокко. Готика... Тот случай, когда допустима эклектика.

**Кто он? Декадент? Символист? Фаталист. Поэзия обернулась для
него «необратимостью судьбы». «Сны» – литургия по летаргии...**

Елизавета Воронина, 26 апреля 1997 года

Предисловие

Сейчас кажется, стихи были всегда. Даже не верится, что эти строчки появились всего четыре года назад, на пике нашей тоски и растерянности.

«Мы уедем отсюда. Мосты подожжём.

Я не буду, и этого жалко,

Целовать твои губы под тёплым дождём,

На дорожках приморского парка...»

Такими простыми, искренними, чуть неловкими и застенчивыми словами начиналось общеизвестное в нашем городе стихотворение. Эти стихи переписывали, посылали уехавшим друзьям, увозили с собой, добавляли свои строчки. Стихотворение явно удостаивалось чести – «слова народные».

Имя автора неведомое, ставшее теперь близким – Андрей Мирошников. Тогда же ощутила – человек, уловивший гул расколовшегося времени, озвучивший боль людей, зависших над разломом и до сих пор не перепрыгнувших из относительно благополучного «до» в ненаступившее счастливое «после».

Тогда подумалось, возможно, случайность, бывает, что человек напишет одно-два удачных стихотворения за всю жизнь. И даже это прекрасно!

Но стихи появлялись ещё и ещё, проливались обильно, словно долго копились где-то и вдруг прорвали плотину немоты. И стало понятно – родился Поэт. Хотелось познакомиться с автором, несколько опасаясь – не разочароваться бы... Познакомились. Увиделись – молод, хорош собой, агрессивен и незащищен одновременно. Как все нуждается в любви и понимании, но как поэт – особенно. И сам способен к пониманию и любви к ближнему.

Вспоминается долгая неспешная дорога домой, разговор обо всём на свете. Радость узнавания близкой души – не разминулись!

Не хотелось расставаться, и вот уже знакомство с моей семьей, и мой сын, отнявший гостя, звук их молодых голосов за дверью.

Смех. Я привела в дом Друга, умеющего находить общий язык со всеми и в отдельности с каждым: с мужем, сыном и мной.

Мучает загадка, как это получается – человек, такой же, как все, руки-ноги-голова, чуть за тридцать, электромонтёр, живёт в соседнем микрорайоне, женат, двое детей. Быт. Заботы.

Безденежье – «карма у меня такая – не идут ко мне деньги». И стихи – прорыв в запредельное. Знает обо всём – не зная.

Угадывает. Провидит. Перевоплощается. Проживает. Переживает. Зашифровывает словами единство: мысль – чувство – настроение, бросает, как бутылку с запиской, в человеческое море. Поймите.

Поймите. Поэта. И себя. И друг друга. И тем налаживает невидимые сердечные связи между незнакомыми людьми.

Книга стихов «Сны» – итог важного периода жизни Андрея Мирошникова – становления, утверждения себя, как Поэта.

«Сны» – плоды его бессонниц, во время которых растёт и зреет Душа, обретает крылья, поднимается всё выше, к Небу, служит

проводником между Богом и людьми – проводником под невыносимым иногда психологическим напряжением. Поэзия – занятие опасное. Всё равно, как попытка взять огонь голыми руками. Но все-таки берёт и несёт нам. Обжигаясь и обжигая... Его стихи хочется цитировать, поражаясь точности образов, меткости попадания в цель, в сердцевину. Как много написано о войне. Он сказал своё: «Ударит война воронёным копытом по стёклам окна». И сжимается сердце. Он сказал: «Началось бессмертие разлуки Далью, необъятной для ума» ... И ахнешь, да-да, именно так, всё имеет конец, разлука же – бессмертна. Холодеешь от пророчества: «Кончалась осень. И кончался век. Кончалось время Нового Завета».

На мой взгляд, у него нет слабых, проходных стихов. Даже шуточные несут в себе заряд мысли и настроения. Я спросила его: - У тебя бывают слабые стихи? – «Бывают, - засмеялся он, - я их душ`у». Он жестоко требователен к себе.

Талант... Завидовать ему нельзя. Это Дар Божий. Это тяжкий крест. Не все выдерживают. Ломаются. Дай Бог ему силы нести его долго. Не уклоняться.

Чтение стихов, расшифровка смысла требуют усилий души. Сотворчества. Настройки в резонанс. На страницах мы выйдем навстречу друг другу.

Я поставлю этот сборник на полку поэзии рядом с любимыми книгами. Там его законное место – русского поэта Андрея Мирошникова.

Тамара Павленко, 26 мая 1997 года, г. Актау, Казахстан

СНЫ

***

Поговорите же со мной,
Не надо почестей и лести.
Но только в душу мне не лезьте
И не шепчитесь за спиной.

Поговорите же со мной
О чём-нибудь, что выше будней,
И станет час мгновеньем чудным
И день – минутою одной.

7 июля 1986 года

ВЕЧНОЕ

Тамаре

Опять усталым, злым, сутулым,
Вернусь по тропке у реки.
Напоишь долгим поцелуем,
Отпустишь старые грехи.
И, обнимая, что осталось –
В гноище ран, в грязи дорог, –
В лохмотья выдохнешь – «Я знала...» –
Боясь узнать, что краток срок...

Отмоешь. Забинтуешь раны.
Намажешь чем-то дорогим.
И, притворясь хорошим парнем,
Я спрячу когти и клыки...
Не удержать степного волка
Ни у куска, ни на цепи –
Сорвусь во тьму, оставив только
Три слова: ЖДИ. ЛЮБИ. ТЕРПИ.

Я приползу, избит, изрублен,
Без целых рёбер, чуть живой.
Торжественно целуя в губы,
Ты скажешь: «Ну, теперь ты – мой».
И я смирюсь, и дамся в руки,
Сниму походную шинель,
Сложу оружие без звука,
Ложась в стерильную постель.

Поить позволю горькой дрянью
(Не то, что много лет назад),
И стану, под твоей охраной,
Ходить прогуливаться в сад.
Толстеть, как кот от доброй пищи,
И млеть на солнечной скамье.
И станет дом у старой вишни
Последней пристанью моей.

Уже не будешь брови хмурить,
Глядеть в распахнутую дверь –
Сидит, глаза на Солнце жмуря,
Тобою прирученный зверь...
За всю упущенную нежность,
За долгие разлуки мстя,
Ты будешь баловать и нежить,
Беречь и кутать как дитя.

И прошлое, как рану кожей,
Затянет сладостный покой,
Лишь болью ран былых встревожит,
Когда дожди пойдут рекой.
Тогда, ненастными ночами,
Услышишь сквозь блаженный сон,
Моё звериное рычанье,
И спутник боли – тяжкий стон.
Целуя старого корсара,
Пригладив вздыбленную шерсть,
Ты улыбнёшься: «Хватит, старый,
Теперь ты мой. Навеки. ВСЬ».
16 октября 1992 года

***

Алене Палажченко

Я хотел быть героем и в рог протрубить.
В этот вечер алкал я успеха,
От бесславья забыться хотелось, и быть
Интересным Тебе Человеком.

Я палил из орудий зарядам фраз,
Примеряя мундиры и позы.
Я увидел свой нимб в глубине твоих глаз
(Ах, как жаль, что мне надо на поезд!)
Вскоре лопнул мой радужный мыльный пузырь –
И шуты устают быть шутами.
Кавалерия спешила. Всё! Тормози...
Грудь полна жестяными крестами.

И, отбросив повадки матёрой лисы,
Я открыл, что надёжно скрывалось...
Электричка ушла – показали часы.
Говорить, что ещё оставалось?
О себе, о друзьях, и о прочих вещах,
Без вранья, заготовок домашних.
И стоял на столе остывающий чай.
- Расскажи мне, а что было дальше?

Не теряя секунд говорить, говорить,
Задыхаясь чадящею «Ватрой».
Продолжать разговор, крепче чай заварить.
Но, бьёт полночь, всё кончено. ЗАВТРА.
Мы оглохли от поступи близкой зари,
И отвергли законы природы.
- Не молчи. Что-нибудь говори, говори,
Торопись, наше время уходит.

Мы зашторили окна, мы гнали рассвет,
Раздирали усталые веки.
- Мне пора. Я пойду?
- Ну конечно же нет! –
На вопросы должны быть ответы.
Время нас обошло в эту ночь, в октябре,
Двух романтиков кухоньки тесной...

Андрей Мирошников

- Жалко нет сигарет. Может, чай подогреть?
Говори, мне с тобой интересно...
1993 год

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Город, нервозный, как почерк
Любящей женщины,
Нынче – святой, непорочный,
Заснеженный,

Мягко устеленный пухом, –
Здесь будет гнездиться
Чистое, белое брюхо
Рождественской птицы.

Даль нарисована мелом,
Грязью не тронута,
Пятно ослепительно-белое,
«Терра Инкогнита».

13 ноября 1993 года

* * *

Ночь страшна, как шабаш – ветер с посвистом,
В дырах туч жестокий сверк ножа,
И тоска собакой в душу просится.
Я впущу. Ей некуда бежать.

Псам бездомным, каково в разгуле там? –
Валит ветер с ног, не одолеть –
Рвется вдаль взъерошенная улица
И деревья просятся лететь.
Карусель скрипит, кружа неистово
Головы бунтующим коням –
Бьют копыта, посыпая искрами,
По прибитым наглухо саням.
В небе – тучи-кони, тени-бестии,
Торжество стихии, пляска сил!..

Стать не суждено разгулу бедствием,
Карусельный бунт теряет пыл:
Прячет крылья сквер, а ветер грузно
Рухнул в пыль, цепляясь за стволы,
На клинок Луны наткнувшись грудью...

1987 год

* * *

Перекуранный мрак
Холостяцких берлог,
Неожиданный страх:
«Почему одинок?»
И что лет уж немало,
Что близок закат...
В чём же ты виноват?
В чём же ты виноват?
Ты – такой же, как все,
Только малость честней,
Может быть, до сих пор
Ты летаешь во сне?
Ты поёшь до сих пор,
А другие рычат.
Ты ведёшь разговор
Там, где трусы молчат.
Даже зависть тебя никогда не грызёт,
Ты умеешь помочь тем, кому не везёт.
Все друзья – должники, и, видать, навсегда...
Может, много друзей – это всё же беда?
Тот – невесту увёл, этот – долг не вернул.
Ты не стал умирать, мир не перевернул,
Просто взял и простил, потому что – друзья,
А с друзьями, известно, иначе нельзя...
Доброта это крест, что всю жизнь волокут,
Значит, снова отдашь свой последний лоскут...
Но друзей осудить не берусь потому,
Что тебя я и сам не пойму. Не пойму.

1992 год

* * *

Что-то холодно в квартире,
Что-то сыро в этом мире,
Слишком тихо у соседей,
Слишком яркая Луна.
Нарочито одиноко
Чей-то свет течёт из окон
И бессовестно-просторно –
Во Вселенной нету дна...

И качается за шторой
Синий маятник простора.
Растопыривая ветви,
Держат полночь тополя.
Где вы, тени маскарада? –
У меня большая радость –
Оттолкнулась табуретка,
Но пока не жмёт петля...
Декабрь 1996 года

* * *

В тесной нише тишины,
Из разбитого бокала,
Чьи-то розовые сны
Ночь ленивая лакала.
Становился снег Невой
Опалённый робким плюсом,
Фонари в поклонах тускло
Замещали свет дневной,

Было тихо и темно,
Где-то капало, плескалось...
Звонко чокнулось окно
В край щербатого бокала –
Там, напротив, маяком,
За рекой, окно светилось.
Спать, как видно, не ложилась
Та, с кем не был я знаком.

Книжка, кружка, пузыри,
Кисти, старые эскизы,
Папирос пустые гильзы.
Исполнялось тридцать три.
Та ли, ты ли – всё равно –
Чья бы ни была, ничья ли –
Утоли мои печали,
Не гаси своё окно.

Нам двоим покоя нет –
Я не верю, что случайно –
Утолю твои печали
(За Невою гаснет свет) ...
И за розовые сны
Я налил бокал последний.
Тает лёд – былой посредник,
И мосты разведены.

12 декабря 1996 года

* * *

Тень на стене мне не по росту.
Голод души, час Калиостро.
Бездна небес смотрится в лужи.
Лужи, застыв, чувствуют ужас.

Ночь коротка и смертельна усталость,
Чтобы порезы души не срастались.
Воет собака - будет покойник?
Светит Луна. Бел подоконник.

Улицы - рай: чисто и скучно.
Воск тишины капает в уши.
Каплями - ртуть в небе полночном.
Пуст Млечный Путь. Путь одиночек.
4 декабря 1994 года

ДОМИНО

ДОМИНО

В воздухе дым, как духи «Домино»,
Тонкая примесь знакомой тревоги –
Словно поднявший меня из берлоги
Хитрый охотник идёт за спиной.
Стоптаный снег – испытание чувств –
Если растает, то кто его вспомнит?
... Очень игрушечным спутанным пони,
Так некрасиво и странно скачу ...

В воздухе дым, как духи «Домино».
Скрипка шагов и груба и фальшива –
Пилят смычки многорукого Шивы
В нашей цепи кружевное звено.
Завтра весна патронажной сестрой
Снимет бинты с незалеченных улиц,
Вскинется город, как праздничный улей:
«Скоро появится новый Герой».

В воздухе дым, как духи «Домино»,
Это зима обращается в бегство,
Это ко мне обращается детство,
Что умирает в последней пивной.
Души сгорают холодным огнём,
Крошево льда – блеск фальшивых алмазов.
Завтра весна. И на подлинник грязи
Пьяница вновь прислонится спиной.

В воздухе дым, как духи «Домино» ...
Плачет паяц по ушедшему веку.
Прошлое кануло, смежило веки –
Всё умирает легко и умно.
Медлит История. Села на мель.
Ворохом белым валяется парус.
Не был умён я – что мне доставалось,
Встретить достойно я не умел.

В воздухе дым, как духи «Домино» --
Где-то качается Божье кадило.
Это сгорает, что происходило
В этом безумном столетье со мной.
Рано ты, Пасечник, палишь дымарь,
Рано окуривать улей дремотный –
Не заготовил ни яда, ни мёда,
Труженик сонный. Пусты закрома.

В воздухе дым, как духи «Домино»,
Тени неистово тянет к востоку.
Вечер едва. Вспоминают истоки
Спящие льды в голубых кимоно.
Что в эту пору способно гореть?
Мёрзлое Солнце картофельной бляхой –
Как череп Героя с берёзовой плахи –
Катится в бездну по белой горе.

Крепче мороз, и, увы, всё равно,
Чем я дышу – я придумал название.
Скользкая улица. Мрачные зданья.
Спутаны ноги скрипичной струной.
Смейся, паяц, если ты занемог,
Болью чужой погребая рассудок –
Там, в глубине, в драгоценной посуде,
Райским соцветием дух Домино.

11 марта 1997 года

* * *

Мне нравится запах твоих сигарет.
Мне нравятся тонкие пальцы и кожа.
Легенды порою похожи на бред –
Ты чем-то на музу поэта похожа.

Ты любишь молчать, если я говорю.
Ты прячешь ответы в конфетных бумажках,
И, если настанет весна к декабрю –
Ты станешь ручной, совершенно домашней.

Потом ты научишься кашу варить,
И бросишь курить, и причёску изменишь.
Едва я воскликну: «Мгновенье, замри!»,
Ты просто растаешь. Ты просто исчезнешь...

И если я мастер, достойный поэт,
Оставлю на память чудесную строчку:
«Мне нравится запах твоих сигарет»,
Поставив три точки...

1996 год

СТРАННАЯ ПАРА

Ливень в пути захватил, как неожиданный разбой.
С грохотом тучи меня делят между собой.
В окнах соседи, как телепремьеру глядят –
Упрям режиссёр и в программе напевы дождя.
Молнии вспышка – пугает небес стробоскоп –
Путник, сутулый застигнут: «Мгновение, стоп!» ...
Ноги в грязи. На подошвах я пуд приволок.
Пёс, у дверей ожидая, дрожит. Он промок.
На потолке набухает сырое пятно,
Как будто все беды сейчас – это войско одно.
Погода настырна. Нашла, как пробраться сюда –
В таз с потолка набегают по капле вода.
Чистое небо с утра обещал нам прогноз...
У батареи свернулся калачиком пёс,
Зевнул, дёрнул ухом, вздохнул и ладонь мне лизнул,
А дождь только хлеще по стёклам окна стеганул.
Поток ниагарский по крыше, с окна на карниз,
Тенькает тазик. Мой друг заскучал и раскис,
Хвост шевельнулся, как тяжкий, безрадостный груз...
Странная пара – июль и осенняя грусть...
Странная пара уделанных грязью штиблет...
Странная пара – собака и мрачный поэт...
Трубой паровой натушно ревет водосток,
Лужи растут... Неужели Великий Потоп?
Вот-вот закачается в лужах Новый Ковчег.
Дремлет собака. Смотрит в окно человек.

1986 год

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сыну Валерию

Ветер тянет сырую лямку,
Задыхаясь тоскливой песней,
Отбивая неровно склянки
Жалкой фальшью фонарной жести.

Тянет ветер на волокуше
Этот город, лениво спящий
В тёмно-синей глубокой луже,
Между прошлым и настоящим.

Город старый – святые мощи.
Здесь на улицах – пепел листьев...
Бесполезной тяжёлой ношей
Ветер тянет его и злится.

Здесь на ветхих верёвках сушат,
Так похожие на одежды,
Беспробудно-сырые души,
И постиранные надежды.

Пряча глубже глаза под веки,
Сны мусоля, как дети – соски,
Спят усталые человеки,
Так похожие на обноски...

Завтра утром, из всех отдушин,
Выйдут люди – немые мимы –
Будут заняты пьесой скучной,
Непонятной, необъяснимой.

С лёгкой качкой, под нежность тряски,
Под шуршание штукатурки,
Спят артисты, отклеив маски,
Сняв трико, словно змеи – шкурки.

Спи, мой маленький грустный мальчик,
Спи, мой маленький, баю-баю...
Город – каменный балаганчик –
Ветер тащит, скрипя зубами.

12 июля 1996 года

АРМАГЕДДОН

На море – шторм, на набережной – снег,
Сырым потоком вездесущий ветер.
На белом белое, глубокий сон во сне –
Мои следы на этом белом свете.
Найдёте по несказанным словам?
По мёртвым песням и пустым стаканам?
Настало время звёзды зарывать
Тяжёлыми, стальными облаками...

Дрожит Земля в предчувствии резни,
И делает Вселенная, что может –
Как Человеку Вечность объяснить?
Гораздо тяжелей, чем уничтожить...
Не много ли слепых поводырей
Для зрячего, но пьяного народа?
...Не сосчитать на коже волдырей –
В огне Геенны не отыщешь брода...
В зиянье Бездны? К чёрту на рога? –
Куда ведут стреноженных потомков,
Что обнимают Вечного Врага,
Приняв за Искупителя в потёмках?

...Забритого затылка булава,
Безликие, бездушные, мутанты...
Перевирая Вечные Слова,
Пророки лгут, кривляются шутами.
И равноценно «приняли на вид»,
Любовь не в силах отличить от блуда,
И проповедь о мире и любви,
И поцелуй слюнявого Иуды.
Надежда, эта розовая грязь,
Томит, как бесконечная простуда –
Как импотент на половую связь,
Надеются отступники на чудо.
Захваченные пагубной игрой,
Поставили на скрюченные цифры.
Иссякнет срок и грянет адский гром –
Раскроет Бездна злую тайну шифра...
Ждёт стадион: «Антихрист, объявись!
Меч Гавриила стал тупым и ржавым!».
Увяла неба облачная высь,
Нахмурилась Небесная Держава.
Партер, галёрка... Не хватает мест!
И публика осталась той же самой:
Кто требовал: «Спасителя – на крест!»,
Расправы ждёт с голодными глазами.

Натужный вопль в сотни мегатонн:
«Распни, распни убогого еврея!»
Болельщиками ждут Армагеддон,
Как розыгрыш смертельной лотереи...
Простят ли человечеству грехи?
Простит ли Бог? Простит ли Мирозданье?
Кто жаждет выйти из воды сухим,
Заслуживает большего страданья...

На море – шторм. На набережной – снег,
Сырой лавиной вездесущий ветер.
Кончалась осень и кончался век.
Кончалась эра Нового Завета.
Ноябрь 1992 года, Беленихино

РАЙ

Если подняться вверх по реке,
На лодочке узкой и длинной, как спица,
Можно увидеть, как там, вдалеке,
Живут Человеки Счастливые Лица.

Не носят одежды, не имут стыда,
Медведей не бьют ради шкуры, и волка...
Им нечего делать и нечего ждать,
Рисуют на коже цветные наколки.
В добротном раю, от забот вдалеке,
В империи птиц и непуганых лилий,
Бессмертные души храня в тайнике,
Не знают болезней, не роют могилы...
Живут, и не знают они, дураки,
Что счастливы просто, под боком у Бога –
Скучая о чём-то, у самой реки,
Из красного дерева строят пироги.
Им кто-то сказал, что внизу по реке,
Где шум океана и полные пляжи –
Стоят города, где живут во грехе,
Не веря ни в Бога, ни в черта, и даже:

Там есть революции, стрессы, война,
Футбол, рок-н-ролл, телевизор и водка.
И вездесущее чувство – вина,
И самое сладкое чувство – тревога.
Там сходят с ума! Это лучше, чем скука;
Там голод и боль вместо вязкого сна;
Мужчина – животное, женщина – сука,
Там в муках рожают, играя казнят...
Живут, и не знают они, дураки,
Что счастливы просто, лишённые рая,
Зачем они строят свои челноки,
И смотрят в верховья реки, умирая? –
Мечтая подняться непрошено вспять,
Туда, где ничто никогда не случится,
Где терпится глупость, а мускулы – спят.
И лица красивы. Счастливые лица.

28 мая 1995 года

* * *

Парк. Открыта ржавая калитка.
Дом напротив – пуст и слеп – под снос.
Это осень. Видишь, клён горит как?
Мелкий дождик тушит не всерьёз.
Осень – пожилая оборванка,
Вымокшая, серая, как мышь.
Вётлы, превращённые в болванки,
Не скрывают обнажённость крыш.

Чахнет сад за копиями ограды –
Не просите золота займы –
Скоро обречённость листопада
Станет белокровием зимы.
Двух беседок голые скелеты
Завернутся в белые бинты,
В памяти такого слова «Лето»,
Кажется, Природе не найти...
Куцы станут дни, степенней – ночи,
Выше – дым, изящнее – стекло.
На окне – витиеватый росчерк,
Прочитаешь: «Скоро Рождество»...

Где весна? – Попряталась по скирдам,
Провалилась в прорубь ли, в дупло –
В терниях февральской панихиды
Высидеть пасхальное тепло.
А потом, в итоге мук и жалоб,
Рассоплившись, тужась и треща,
Вытолкнет Природа, нарожает
Миллиарды почек-малышат.
Щебеча, любя и обнимая,
Вылечит от ледяных корост,
Отогреет, разговееет маем,
Воскресеньем завершая пост...

Закрываю ржавые ворота,
Поднимаю мокрый воротник.
Кончена прогулка,
Звонкой нотой
В хмуром парке умирает
Скрип.

1996 год

ТЬМА

У плахи осыпается шиповник,
И занесён топор над головой.
У ратуши, на площади торговой,
Меня казнят за злое колдовство.

Вот голова покатится по плахе,
Исполненное знанием ядро...
Никто не станет отпевать и плакать,
Менять одежды, отмывая кровь.

...Скользнув в тумане, поступью тигровой,
Сквозь караулы, их латунный строй,
Охапку лилий бросив в лужу крови,
Встав на колени, мне глаза закрой.

Дым факелов, туман, слащавость гнили,
И пляска пепла от сожжённых книг,
И конский пот, и кровь, и запах лилий –
Причудливо свиваясь, опьянит.

Под серым балахоном, смутной тенью,
Почти фантомом, дымкой, как душа,
Ты канешь навсегда в сырую темень,
Назад, в проулок, узкий, как кинжал...

Свезёт останки медленно, прилежно,
В глубокий ров за городской стеной,
Скрипучая зловещая тележка,
Могильщик – колченогий Карл Гуно.

Не убедить клекочущих уродцев,
Набухшие бубонами умы,
Что я не отравлял чужих колодцев.
Что я искал лекарство от чумы.

3 июня 1994 года

20 февраля 1990 года

* * *

Осенних веток письмамена –
Нерасшифрованный орнамент.
Поведал скорченный пергамент,
Что мне судьба ещё должна,
Что стоит жить и не бежать,
Не мельтешить, не суесловить,
Признав незыблемость условий,
Листвой опавшею шурша;

Что смерть не ведает границ
Меж здоровых телом и убогих –
И негодяи, и пророки
У врат Господних будут ниц –
Так мудро этот мир устроен.
И полированный гранит,
Как мать, равняет и роднит,
И побеждённых и героев.

Не помнят ни Добра, ни Зла
Пустые мокрые погосты,
И в тучах тёмно-серых просинь,
С последним росчерком тепла...
А истинность нагую роц,
И славы наши и награды,
Ну, кто посмеет ставить рядом,
Как дрожь, осин и тела дрожь?

За всё, что сказано о нас,
За эпитафии и точки,
Гроша осеннего листочка,
Увы, Создатель не подаст.
Но стоит жить и не бежать,
Не суетиться, не злословить.
Молчанье – золото.
А слово...

Уходит осень.
Осень – жаль.
31 января 1997 года

* * *

Памяти Ларисы Платон

Ты слышишь? Что-то происходит.
Послушай только, не дыша –
Так обрывается душа
Барометром к плохой погоде.
Вот так однажды сохнет лист.
Как тает айсберг в океане,
Лицо теряет жёлтый сфинкс,
Становится округлым камнем...
Так исчезали города –
Везувий поглотил Помпеи,
Так двигались пески,
Крадя
Воздушные сады империй.
Неуловимый террорист,
Идёт,
Как истинный хозяин.
Бесшумен и неосязаем,
Не допуская компромисс.

Раздавлен этой тишиной
Внезапной,
Как сошла лавина...

Часы – замедленная мина –
Не остановишь – за стеной.

1995 год

* * *

Я знаю, что такое холода,
Когда не руки стыннут – голос стынет,
И острою железною пластиной,
В запястия вонзается беда.

И что там лёд и полюса снега,
Когда мороз проходится по крови,
И сердце словно лишено покрова
И индевеет в лапах мясника...

5 марта 1997 года

* * *

Родниковую воду горстями,
И озёрную воду веслом...
Смутно мучает дым расставанья,
И недавно забытое зло.

И мерцает свеча еле-еле.
Хочешь мрака – так ласково дунь...
Но усталость и черви
Изъели
Перезрелое яблоко дум.

Перелистана ветхая книга,
Перелистана в поле трава.
С обречённостью краткого мига
Кто-то выбил на камне слова.

Но забудутся даты и цифры –
Послесловия не для души.
Под курганами золото скифов –
К праху прах –
Ты его не ищи.

Родниковую воду горстями,
И озёрную воду веслом...
Смотрит небо,
Прощаясь с гостями,
Уточняет на камне число.

Тает медленно, в бледном тумане,
Всё, что в сердце корнями вросло,
И восходит звездой
Безымянной.
Опускается в небо весло.

5 апреля 1996 года

* * *

Такая странная болезнь –
Другая женщина мне снится.
Я попытаюсь застрелиться,
Когда мне это надоест.

Мне трудно н`аново любить,
Я жить хочу в покое вечном.
Я стану камнем бессердечным!
... Да, видно, этому не быть:

Лежу, кусая кулаки.
Не лучше ли мне просто спиться?
Другая женщина мне снится,
Назло, упрямо, вопреки.
1992 год

ОТ МАТВЕЯ

*Матвей – невыдуманный нереальный герой,
но при этом Матвей - реальный выдуманный герой.*
Автор

* * *

Как всё вышло? – не помню за давностью лет.
Может, снилось, а может, и было:
Короля как-то раз пригласил на обед.
Впрочем, может, на ужин? Забыл я...

Было поздно жалеть, как я вдруг оплошал –
Только кислым вином был богат я,
Но надеялся – в трапезе будет ДУША,
И сухарь мы поделим как братья.
Было время в запасе – я дом подлатал,
Срезал сучья, побитые ветром.
А потом – листья жёг? Или снег выметал?
Ох, не помню – зима была? Лето?..

Гость приехал: охрана – отборный конвой,
Дом – вверх дном. (Я как будто бы с краю)
И окопы в саду, как на передовой,
Пулемётные точки в сарае.
Вслед за ними нагрянула дюжина слуг –
Исполнять августейших капризы...
Он не стал грызть сухарь и надкусывать лук,
И вино отдал на экспертизу.

Он меня угощал королевской едой,
Что отведена строгой охраной...
Я догрыз свой сухарь, угостился водой
Из колодца. А может, из крана?
А в нужник выходя и обратно потом,
Я пароль называл часовому.
Я монархов с тех пор не пускаю в свой дом.
Так спокойней. Мир вашему дому!

1986-1991 гг.

ПРИТЧА

Сыграла природа со мной невесёлую шутку:
Послушав прогноз, я из дома ушёл налегке.
Был на небе штиль, и, казалось, в ближайшие сутки,
Распустятся райские кущи на златом песке...
Я тронулся в путь по дороге, ведущей до края.
Молчала листва. Пели птицы, что ангельский хор...
Я б Землю прошёл без усилий, как будто играя,
И к ночи б вернулся на ужин и выиграл спор...
Но гром среди ясного неба, как выстрел, раздался,
И манной небесной неожиданной посыпался град:
Я во поле чистом один с Непогодой остался,
Побитый, замёрзший и жалкий вернулся назад...
Не верю прогнозам. Пари отвергаю. Не спорю.
Уже не желая доказывать удаль свою,
Я к буре готовлюсь, когда соберусь выйти в море.
И зонтик беру, собираясь на завтрак в Раю.
21 сентября 1988 года. Тенгиз

* * *

Ура! Ты придёшь, ты звонила сейчас,
И ночь карнавальная будет у нас.
Я стол приготовил, не так чтобы... Но:
Здесь будет стоять, что стоять тут должно!
Я жду. Время вышло. Тебя ещё нет.
Мои окна – маяк. Я даю полный свет!
И волком по клетке мотаю круги,
А в ухо из трубки тупые гудки,

И мысли вскипают котлом на огне,
И знаком вопроса торчу я в окне...
Синдром ожидания. Нагнало тоску,
Что стану ходить даже по потолку.
Я буду скулить, материться, пенять,
Ничком на диване в обивку стонать...
Потом на столе наведу прежний вид.
Спрячу сервиз. Поменяю прикид.
Послушаю джаз, и вином подавлюсь,
Рубаху прожгу и на всех разозлюсь.
Потом я соседям своим насолю:
Открою балкон, рок тяжёлый врублю...

Звонок телефонный разбудит с утра.
Мусорной кучей станет вчера.
Конечно, причину опять пропоёшь,
Приму хладнокровно, что скоро придёшь.
Нет, нет! Я здоров. Ты нервишки не рви.
Просто вчера так хотелось ЛЮБВИ.

26 сентября 1986 года

* * *

Вот-вот опять начнутся холода –
Гудят мои натруженные руки.
Вагончик пьёт. Спасается от скуки,
И маты посылает в никуда.

Журнальная картинка из «Плейбой»
В огранке самодельного багета,
Над койкой безымянного аскета –
Красавица, входящая в прибой.

Рождённая в тропическом раю,
Принцесса пляжа, дочь природы дикой,
Беспечная, глаза как голубика...
Вы оказались в северном краю.

Я потерял здесь дюжину зубов,
Я почернел от дыма и чифирия.
Я – просто бич. Увы. А вы – Мисс Мира.
Выходит, воплощённая Любовь.

Вам нравятся полуденные сны,
Огни фиест, вечерние фасоны,
Загадочные важные персоны,
Предчувствие и привкус новизны.

Вы молоды. Вам нужен фейерверк,
Полночное вино, цветы и песни...
У вас в раю таким, как я, нет места –
Я слишком крупный и матёрый зверь.

Вас изжуют большие города,
Меня поглотит топкая глубинка,
Где ягода такая – голубика,
И золотонесущая руда.

1995 год

ВЕСНА ХОЛОСТЯКА

Гомонит, балаганит весна,
Закипает зелёною пеной.
Стала зимняя кожа тесна,
А душа – как назло – здоровенна.

Путеводная манит звезда,
Подменяя рассудок на чувства –
Не туда тарахтят поезда,
Самолёты сбиваются с курса...

Майский ветер – ленивый сироп
Из акации и тамариска –
Посулил, по-цыгански хитро,
Россыпь счастья по полному списку.

Ждёт решительных мер от меня
Молодая, как зелень, соседка –
Улыбаясь, русалкой маня,
Расставляет капканы и сети.

Эти губы как выкрик «Утешь!» –
До смертельной тоски надоели
Ей доспехи тяжёлых одежд,
Лёд оконный и холод постели.

Тёмно-серый костюм достаю,
Зачесав на пробор, что осталось,
Перед дверью закрытой стою...
Что мешает? Да самая малость:

Смотрит зеркало: «Камо грядешь?» –
Я не стал ни смелей, ни моложе.
И дыхание свежих надежд
Не вмещается в старую кожу.

28 мая 1995 года

* * *

Нет дороги,
Дорога – грязь.
Чавкает сыто,
Сжирая время.
Машина стала,
Значит – слазь,
В жижу времени,
Современник.
Хочешь? – топай.
Хочешь? – ползи.
Проверь законы,
Как быстрее?
Грязь экономит
Мыло, бензин,
Она почётна,
Как гонорей.
Оставь твари
Два сапога.
Свобода, веришь ли,
Ходит б`осой.
Вытолкнись матерно
В облака,
Чувствуя –
Грязь вгрызается
В кости...

Нашим дорогам
Оттепель – вред.
Боже! Когда
Устоятся морозы? –
Бывшая лужа
В морозы – твердь.
Но зябко зимой
Без сапог, босым.

Сколько времени утекло?
Сколько с грязью
Прилипло к коже?
И ноют гены:
«В грязи тепло...
Чем больше грязи –
Тем толще рожи...»
Манит, как нефть
Перелётных птиц,
И разбивает,
Как липкий паралич –
Те, кто взлетали
Из грязи
Ввысь –

Чёрною птицей
Падали
Навзничь.

Наша грязь
Свята, как пища.
Из нашей грязи –
Лепи каравай.
Значит, Движемся
Прямо в Рай.
В Ад, говорят,
Дорога чище.
В Ад дорога
Пряма, широка,
Мы – едем в Рай
По грязи да ухабам,
Устали жены
Портки стирать.
Попробуй тут
Объяснить бабам!

Не отстирать,
Не вымыть из пор,
Но если кому-то
За нас страшно –
Нашу грязь
Караулит забор.
Наша грязь –
Крепость наша!
Ноябрь 1992 года. Беленихино

* * *

Такая темень – хоть выбей глаз.
Но в темноте не видно грязь,
И мутных луж, и тёмных душ.
(Кривой женой доволен муж).

Во мраке тонет дневная пыль –
Нас окружает вечерний стиль,
И неудачник убил тоску,
И клеит сердце кусок к куску.

Настырна вера в ночной уют,
Да только в парке кого-то бьют...
У тёмной ночи не тот девиз.
Ей не удастся украсить жизнь.

Нам надо видеть Добро и Зло!
Нас слишком долго во тьме трясло,
Пора решиться, пора посметь!
Откройте веки – грядёт рассвет!

1987 год

* * *

Чью-то смерть не считая потерей,
Разухабисто, в пальцы свистя,
Мы в Историю входим, как в дебри,
Косогоры костями мостя.

Веря сразу и в Бога, и в чёрта,
Бесшабашно, грози, не грози,
Мы идём по осклизлой дороге,
Утопая в мечтах и грязи.

Отличаясь едва ли от стада,
Побеждая умелых числом,
Прорываясь сквозь вражьи засады,
Выживаем, как чудо – назло...

Обмирая, потев от страха,
Глядя в бездну, как бес на угли,
Рукава самой лучшей рубахи
Отрывая на фитили, –

Кто-то сдюжит, покажется храбрым,
И, назло темноте и грязи,
Он затянется песней похабной:
«Эй, нелёгкая! Бля, выноси!»

1996 год

* * *

Пьют горькую гранёною посудой,
Но всё равно душою мёрзнут люди.
И, даже помутнев, когда напьются,
Заходятся такой глубинной грустью,
Что не запеть. Лишь в стену будут биться,
И под столы в беспамятстве валиться,
Чтобы, очнувшись утром от озноба,
И опрокинув дверь, как крышку гроба,
Ползти по серому к заводу.
Травить себя. Травить природу.

1989 год

* * *

Футболисты идут с мячиком,
На трибунах орут мальчики,
И мелькают шарфы пёстрые,
И слова,
    всё слова острые!

Не давали свистка на поле –
На трибунах уже цапались:
Дрались разных мастей мальчики,
И трещали на них маечки.

Дети ищут себе трудности –
Зло творят, говорят грубости.
Если кто не такой – дай ему!
Если ближнего нет – дальнему...

Разделила детей ненависть.
На домах – всех цветов стенопись,
Всё лихие слова разные,
На груди у домов, грязные...

1989 год

ОТКРОВЕНИЕ

Я не пьянь! Всю зарплату домой приношу...
Всё равно мужиком не считаешь.
Опрокину пузырь и язык развяжу,
Да спрошу: «Ты меня уважаешь?».

Почему – в день получки постель горяча,
Ты и радость моя, и награда,
А кончаются деньги – тебя с толкача
Заводить, словно трактор мой, надо?

Но привычный ответ: «Да пошёл бы ты на...»
Обожжёт сотней маленьких молний,
И, кажись, от меня, как взрывная волна,
Разбегутся ударные волны...

И останется мне закипеть, засопеть,
(Ну не драться же с чёрствою стервой!).
Уязвлённый донельзя, не в силах терпеть,
Я приму кардинальные меры:

Психану и рвану, точно волк, на простор,
Выдыхая вино: «Уничтожу!»,
Заряжу пулемёт, передёрну затвор,
Разгоню тишину и прохожих.

Ты увидишь – я буду и зол, и жесток,
И, покуда не кончатся диски –
Светофоры, витрины – в куски, в решето! –
Чем не Рембо центральнороссийский?..

И нагрянет, конечно, всесильный ОМОН,
Вездесущая жёлтая пресса.
Пусть узнают, что я глубоко оскорблён
Узкой сферой твоих интересов!

Пусть другие, простые как я мужики,
Потерявшие суть своих миссий,
Солидарно сожмут за меня кулаки,
Исполняясь высокого смысла...

Только в час ежедневной лапши для ушей,
Ты, включив телевизор, узнаешь
Обо мне в новостях. И, с экрана уже,
Я спрошу: «Ты меня уважаешь?»

13 сентября 1993 года

СЛУЧАЙ

Кто-то снаружи ломится в дверь,
И, завывая, как раненый зверь,
Просит впустить. Но я не сдаюсь.
Глубокая полночь – я очень боюсь!

А он всё стучит. Нашёл дурака! –
Я двери закрыл на четыре замка!
Ну, что ему надо? Он псих? Рэкетир?
Пусть грабит соседей, тут много квартир...

Стук тише и реже. Как видно, устал...
А дальше – не помню, а дальше – я спал.
А утром соседи, милиция тут...
Лежал на пороге мой собственный труп.
1988 год

* * *

Когда отпели фанфары,
Когда угасли восторги,
И радость уже не пара,
От счастья пахнуло моргом –

Не надо сочувственных взглядов,
Сетований и вздохов...
Просто побудь рядом,
Когда человеку плохо.

Не так уж это и трудно,
Сказать человеку: «Будет...»
И протянуть руку.
За это пока не судят.

И в человеческом стаде,
Кто-то, помимо Бога,
Должен,
Должен быть рядом,
Когда человеку плохо.

1983 год

НЕЖНОБОЛЬ

* * *

Ты жила в заповеднике детских надежд,
Им настала пора раствориться:
Стали сказки тесны, вроде детских одежд,
Поменяли пристрастия принцы.

Фантазёрка! Реальность – для крепкого лба.
В душу здесь не заглянут, а плюнут.
Хочешь выжить – умей, говорят, уступать,
Унижаться, но сдерживать слюни.

Ты от мира хороших не ждёшь новостей,
Но по-прежнему любишь игрушки...
Белоснежку в эпоху поспешных страстей
Нарекли полигамною шлюшкой.

Спи, дитя. Разразится гроза, будет дождь,
Смоет грязь добросовестной прачкой.
Будет сон – Алый Парус, который ты ждёшь.
Завтра утром всё будет иначе.

3 января 1991 года

* * *

Ночь новогоднюю слушай,
Может, услышишь секрет...
Но отравляет мне душу
Горечь твоих сигарет,
Что-то не то в разговоре,
В жестах, в движении губ...
Ах, как не хочется спорить! –
Ночь утопает в снегу.

Хочется стать одиноким,
Хочется под снегопад,
Выдохнуть серую копоть,
Скуку в снегу закопать...
Тише! – испуганной белкой
Мечется пламя свечи –
Стой, не разменивай мелко,
Не развенчайся, молчи,

Не поворачивай круто!..
...Поздно: четыре нуля.
И, вместе райского фрукта,
Твердый, как камень, муляж.
Зло изгибаются губы,
Мнётся пустая фольга.
Дыма табачного клубы –
Это не облака.

11 июля 1996 года

КИНОРОМАН

На дырявом полотне кинотеатра
Что-то движется. (Я вижу краем глаза:
Ты читаешь наизусть, как будто мантры,
Эти фразы...)

В этом фильме ничего не происходит,
Только скука и разлученные дети...
(Как не хочется на улицу, на холод,
И на ветер!..)

Я не понял ничего, что на экране.
Я и зритель, и актёр одновременно...
(Затянулось окончание романа.
Тянем время...)

На экране кто-то хочет застрелиться,
Кто-то мается, кому-то изменяя...
(Сколько времени ещё роман продлится?
Я не знаю...)

Я смогу закончить бал. Я всё устрою:
Включат свет по окончании сеанса...
В час финала любят главные герои
Расставаться...

7 января 1995 года

ГОРЬКАЯ ВИШНЯ

Светлане

Кружит голову ветер шальный,
Стелет землю цветами вишни.
Удушающе утешает,
Что подолгу тебя не вижу.

Всё проходит, и время лечит,
Как снимают иглу с пластинки.
Всё чужое – глаза и плечи,
И лицо – расписной картинкой.

Губы цвета кровавых ягод,
С терпким привкусом спелой вишни.
Только каплю слащавой влаги –
Света белого не увижу...

Эти губы убогих губят.
Мне ли плакать? – я злей и выше.
...Прямо в сердце, хмельно и грубо,
Бьёт прицельно картечью
вишня.

Всё проходит как реки, речи,
Быстро гаснет горящий порох.
Добивая, пальни картечью.
Ты – отравы,
И вкус твой – горечь.

Ты посмотришь – ударит током.
Губы с хрустом свои грызу я,
Кровью,
Словно вишневым соком,
Поцелуй твои рисую.

Ветер северный зло освищет,
Снег укроет дорожки сада...
Смейся, девушка на афише,
Сладкой вишней губной помады.

9 мая 1996 года

Скачут тёмные мысли
заевшей иглой на пластинке,
Голос плоти зовущий
оленом в тумане ревёт.
Я не верил вчера,
что любовь – это Зона инстинкта,
Но сейчас,
как маньяк,
я хочу целовать твой живот,

**Расплести эти волосы –
                гровкой степной кобылицы –
Целомудрия пояс сорвать с тебя,
                словно упряжь,
Дай себя расседлать.
                Не впрягайся в поклажу ослицей,
Недотроги обет
                для тебя неподъёмный багаж.**

Где волшебный «сезам»,
Как открыть в твою крепость ворота,
Чтобы знамя поднять –
алой кляксой помеченный шелк?
Я уже не стыжусь
оказаться здоровым животным.
Напрягается зверь.
Он готов на коварный прыжок.

И толкает меня
непорочная сводня Природа –
Эту нежную плоть сжать в руках,
как в тисках палача.

**Ягодицы – прохладную мякоть запретного плода –
Разделить пополам
мощным взмахом живого меча.**

Я – взбесившийся бык.
Я – сосуд, переполненный жаждой.
Вместо песен и слов
липкой пеной клокочет слюна.
Разреши мне вкусить нежный плод,
ароматный и влажный.
Белый цвет простыни дурит голову,
как белена.

Андрей Мирошников

Запах девственной кожи –
  земля, не познавшая плуга.
Я сниму с тебя шлем
  и железные чаши с груди.
И застынет мой конь,
  перед лентой, натянутой туго,
Жарко выдохнут в шею
  припухшие губы:
  «Иди»...

27 июня 1991 года

* * *

Мы оба – актёры в театре абсурда.
Молча сидим мы бок-о-бок и курим.
Слов нет в запасе, кончены речи,
Лица усталы, опущены плечи.

Не говори. Не смотри. Мне не больно.
Я никогда не сживусь с этой ролью.
Мы отыграли славно и мило.
Аплодисменты! А ты загрустила?

Занавес – майна! Рампа погасла.
Грим умываем кокосовым маслом.
Вытрем салфеткой. Выбросим в урну...
Мы только актёры в театре абсурда.

Может, и вспомнится что-то лениво,
И будем довольны – всё было красиво!
Всё было как будто бы в фильмах Феллини...
Но не из мрамора только – из глины.

1989 год

ЦЫГАНКА

Разоблачи, ударив в барабан:

- Плутовка ты! Блудница и воровка!..

Но тотчас обратишься сам в раба,

Одним движеньем тонкой чёрной бровки.

29 мая 1995 года

* * *

Тамаре

Ты вошла – легка. И не с кем сверить.
Неземная! Где твои шаги? –
Кинул, шкурой добытого зверя,
Душу
В тень божественной ноги:
Чтобы ты, светла как воздух воли,
Мимоходом, по делам богинь,
Не коснулась ненароком пола –
Грязи быта, пепла именин.

Ангел мой! – застывший, онемелый,
Постигал я твой высокий стиль...
Что душа? Пустяк! А ты – летела,
След не отпечатывая в пыль...

1984 год

* * *

Обрати меня в Рыжего клоуна,
Если эта игра так нужна.
Но, с улыбкою нарисованной,
Будет рожа, как тень, грустна.

Наряди и в колпак с колокольчиками,
Если хочешь, чтоб было смешно, -
В панталончики,
И помпончики -
Невесёлое будет кино.

Не спеши выдыхать междометия,
Скомкай смех,
Посмотри мне в глаза:
Там душа моя - мальчик раздетый,
Привезённый на рабский базар.

1982 год

* * *

Если Феникс – пеплом согрей,
Если ангел – с неба сойди.
Что на свете слаще, чем грех?
Что на свете горше седин?

Кто имеет право судить,
Расставляя точки над «и»?
Если кто-то станет стыдить –
В темноте моё тело найди.

И распустятся плоти цветы,
И сольются мёд и вино...
Кто себя считает святым?
Кто желанье считает виной?

Умирают цветы в ноябре,
И тускнеют, как старый сатин...
Что на свете слаще, чем грех?
Что на свете горше седин?

26 марта 1996 года

* * *

Хочешь? – Напьемся вволю
Розового вина,
Нас укачают волны
Неги Седьмого Дня.
Я отменю разлуки,
Спешку коротких встреч.
Сплетни, поклёпы, слухи
Душу не станут жечь.
Смело посмотришь в лица –
Больше не надо врать:
Стану твоим принцем,
Верным, как самурай.
Я отменяю зиму!
Холод собачий! Снег!..

Ну, а сегодня – сгину.
Я обещал жене...

1992 год

* * *

Женщине

Ты детей рожаеть, кормишь, лечишь, учишь.
Ты стираешь, варишь, вяжешь, гладишь, шьёшь.
Тратишь слезы по героям телечуши,
И жалеешь, что бессмысленно живёшь.

Обессиленной и выжатой под вечер,
Обезумевшей, потерянной, без снов,
Этот мир, так тяжело взваленный на плечи,
Убаюкаешь под тиканье часов.

Утро, ночь, за годом – год. И жизнь, как свечка.
Торопливо – тушь, помаду, бигуди...
Что обещано в награду? Только вечность.
Кто твои увидит слёзы? Бог один.

Стерпишь мор, бесчестье, войны и полоны,
Что бы ни было – бесправье и нужду.
Примет ласку сердце. Примет семя лоно.
Символ женщины в коротком слове «жду».

14 января 1996 года

* * *

Один звонок, письмо на пару строк –
И ближе даль, и зря упрёк.
Но бьёмся мы в придуманных сетях.
Скажи, зачем всё так?

Болят душа, в созвездия кричит.
Но мир оглох. Но мир молчит.
Но ты – жива, и я покуда жив.
Зачем всё так, скажи?

Я эту ночь пересекаю вброд,
Сочится мгла в открытый рот –
Кого спросить в полночной глубине,
И кто ответит мне?

В лохмотьях туч запуталась Луна.
Как ночь темна, как ночь длинна!
Не счесть ночей, не заменить ничем.
Скажи, а так зачем?

Ноябрь 1996 года

САРДАНАПАЛ

Я девиц воровал, точно ложки,
И сдирал серебро с позолотой.
Я затягивал скромниц на ложе,
Словно неосторожных – в болото.
Я заманивал чистые души,
В паутину, в капканы и вожжи,
И нетронутость юную рушил,
Обращая невинных в наложниц.
Громче,
Иерихонские трубы,
Что богини стоят на коленях!!
Ветер жаркий
Срываемых юбок –
Это вестник пожара Вселенной.
Заиграли жестокие скулы,
Фугой гибельной горло хрипело,
И зрачки мои – алые угли –
Сладострастно шипели о тело.
Я, пугающей тварью двуглавой,
Рвал на части
Исчадием ада...
В глубину
Обжигающей лавой
Била пена белесого яда...
Помнишь
Жёсткое ложе Прокруста?
Помнишь
Цепкие пальцы и губы?
Жадный меч, проникающий с хрустом,
И любовь,
Что оскалила зубы –
В испуг, в изнеможенье,
Фантазией грубой,
В откровенье ревущего стада?..
Лоскуток от разорванной юбки –
Это пропуск из райского сада.

В чешуе из остывшего пота,
В луже ложа,
В холодной пустыне,
Я ищу серебро с позолотой,
Для своей осквернённой святыни.
Ждут меня,
Вместо райской прохлады –
Семь кругов,
Словно семь поколений –

Андрей Мирошников

Семь кругов обжигающих Ада.

Страшно мне.

Я стою на коленях.

7 марта 1996 года

* * *

Татьяне Зиновьевой

Где-то в недрах мягкого вагона
Обречённо скинула манто.
Лишь позёмка кинулась вдогонку,
Вскручивая белое винтом.

Началось бессмертие разлуки
Далью, необъятной для ума.
Впереди – безжалостные руки,
Долгая, холодная зима.

Прошлое – ампир, где медь и бархат,
Мягкий свет, истомное тепло...
Наслажденья сладкий белый сахар
Оказался молотым стеклом.

Прочь, навстречу старому гурману
(Пусть Господь тебя благословит),
Героиней старого романа,
Старомодной книги о любви.

Стук колес – биение аорты.
Не мигая, смотришь в лёд окна –
В близком небе траурным эскортом –
Серая жемчужина – Луна.

Прежде чем врываться как комета,
Прятала венчальное кольцо...
На Луне, как на большой монете
Полупрофиль – женское лицо.

28 марта 1994 года

* * *

Ирландская песня

Почему так тяжело одному?
Ни следа моей привычной злости.
Сядь со мной, малышка Бетти Мун,
Я не стану задавать вопросы.

Глаз не поднимаешь. Почему
Так грустны зелёные занозы?
Сядь поближе, крошка Бетти Мун.
Я не пьян сегодня и серьёзен.

Я-то понимаю, почему,
Замолкают пьяные матросы,
Если входит крошка Бетти Мун,
Рыжая, как огненная осень.

Про приют, про юность, про тюрьму,
Почему меня по свету носит,
Расскажу малышке Бетти Мун.
Даже если ни о чём не спросит.
4 сентября 1993 года

ИМЕНИНЫ

Дочери Тане

Сладкий хворост, клубничный зефир,
Шоколадный пломбир и орехи –
Собирается кукольный пир
В Круглом Доме Весёлого Джека:

Буратино – нахал и остряк –
Пахнет чисто зелёною хвоей,
Тараторит и вертится вдвое,
Примеряя сиреневый фрак.

Филимон – перламутровый кот –
Что-то тих, суетой озадачен...
Угощение каждого ждёт,
И весёлая песня в придачу.

«Папа Карло! Шарманку крути!» –
Обезьянка притопнула ножкой,
И подыгрывает крокодил
На коричневой старой гармошке.

Колокольчик! – пришли малыши:
Торопыжка (пиджак наизнанку),
Знайка, гений Цветочной глуши,
И гуашево-пёстрый Незнайка.

День Рождения! Астры, пирог,
Скатерть – снег, разноцветные свечи ...
Но грустит чёрно-белый Пьеро,
Пряча голову в острые плечи.

В эту полночь не хочется спать,
День Рожденья бывает не часто,
Развяжи на коробочке бант,
Замирая в предчувствии счастья.

15 августа 1994 года

ПИАНИСТКА

Твой концерт. Сидя рядом с женой,
Я смотрел на тебя, как блажной.
Мне не важно, где Моцарт, где Лист...
Стоп, мгновение, остановись!

Изменилась ты – та и не та...
Я готов тебе ноты листать.
Помнишь скрежет надменного рта? –
Я сказал: «Ты ещё молода».

Мне казалось – я мчал как ковбой,
Управляя, как стадом, судьбой,
И, пришпоривая жеребца,
Разбивал мимоходом сердца...

Всё прошло: юность, спесь и аллюр.
Курс игры – поворачивай руль –
Я ничтожен. Ты – суперзвезда,
Нынче Листа играешь с листа!

Боже, рад я тебе и не рад –
Не запеть мне уже серенад.
Голос мой незавиден и глух.
У тебя ж – исключительный слух.

Ты опять на пути, как тогда,
И по-прежнему ты – молода.
Ты напомнила мне, как я стар...
Не тревожь ты меня, суперстар!

Ты кивнула, сказала: «Привет!»
Я не помню, что делать в ответ...
Только мечется что-то в груди:
«Погоди, погоди, погоди».

5 июля 1994 года

* * *

Памяти Наташи

Я не могу тебя догнать –
Ты высока, как в небе птица.
Ты будешь помниться и сниться –
Мне чашу эту пить до дна.

Я не смогу тебя понять –
Ты далека и бесконечна.
Но тают жизни, гаснут свечи.
Другие могут и увлечь, но...

Я не смогу тебя вернуть –
Ты будешь так же ввысь стремиться,
А я, довольствуясь синицей,
Лишь в небо изредка взгляну.

1987 год

* * *

Не дай нам Бог пути перекрестить,
Столкнуться у Вселенского разъезда,
И вспомнить, что, прощаясь у подъезда,
Мы не умели сразу уходить.

Не дай нам Бог с улыбкою прозреть,
Что жить поврозь – задача не из трудных,
Что в этой жизни не бывает чуда,
А без любви уже не умереть.

8 марта 1997 года

* * *

Пульс – бешен! Закипает кровь,
И смех, и грусть, и слёзы у портрета...
Так начинается любовь.
...Потом – тоска и сигарета.

1994 год

ЭРОТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

* * *

Словно прорвало плотину.
Ты сжала меня, застонав.

* * *

Как виртуозно лижешь ты
Густые сливки,
Зеленоглазая кошка

* * *

Держишь жадной рукой сосуд.
Бьёт через край драгоценная влага.
Пей!

* * *

Вся отдаёшься мне.
Но другу достается больше
Намного.

* * *

Сколько раз снимала так шкуру,
И пила белесую кровь Зверя,
Закрыв глаза,
Вонзая ногти в бедра мне.

* * *

Какая страсть!
Какая лень потом...

* * *

Ты поцелуй мне обещала,
Но это
Уже не поцелуй.

* * *

Словно на чашах вечных весов
Держу твои груди,
Качая тебя на крепкой оси
Бытия.

ЗИГЗАГИ

* * *

Ветер ломает тяжёлые ветви.
Что будет завтра? – вопрос без ответа.
Вдруг – за окном пролетит, как приснится,
Облаком белым поздняя птица.

Крикнет – и в ночь уведёт за собою,
В бурю, из спальни, что в модных обоях...
Бросив добро, что успело скопиться,
Кинешься следом за странною птицей?

Утром дождливым – уже не до старта;
Блок новостей – натошак – словно завтрак.
В восемь ноль-ноль ты обязан крутиться.
И забывается странная птица.

Вечером – мрачен, устал и простужен,
Топишь в вине неудавшийся ужин,
Смотришь в окно, где должна появиться
Шансом последним поздняя птица.

Что это? – Замер ты в кресле плетёном –
Вот она! Хищно вспотели ладони...
Стоп! Перебор...
Заблудившийся в ветках,
Крыльями бьёт полимерный пакетик.

27 октября 1994 года

* * *

Я песню пою, но сердце моё кровоточит:
Здесь каждый – ПРОРОК,
и каждый пророчит, что хочет.

Здесь внемлют немым, которые истин не знают,
И нюхают дым, и счастьем его называют.

Я песню пою, а сердце моё кровоточит...
Здесь ищут богов, а боги лишь душу морочат.

Тут зависть и ложь, тут издавна давятся злобой,
И любят тебя, когда ты под крышкою гроба,

И верят в Христа, которого сами распяли...
И делят хитон, который с распятого сняли.

1982 год

БЕГ

Андрею Исаченко

Ни покоя, ни тихого места,
Каждый день – это пляс на углях.
Никуда нам отсюда не деться –
Мир замкнулся по форме нуля.

Два бродяги, два загнанных зверя,
Два изгоя, два Вечных Жида –
Мы не верим – нам некому верить,
Негде,
Нечего,
Некогда ждать.

Нам не хочется кругом по клетке,
Жрать с тарелки, как верные псы.
И напрасно жалеют калеки –
Мы не беженцы. Мы – беглецы.

«Стой! Держите! Уходят, уходят!!» –
Тени, выстрелы, крики, огни...
На таких открывают охоту,
Потому, что не в стаде они.

Пот погонь, бесприютная горечь,
Зов свободы в крови бунтаря,
Нагнетают высокую скорость
И опаску её потерять.

Но когда-то, хрипя и слабея,
Замедляя на выдохе бег,
Мы лихую Загонщицу в белом
Слишком близко подпустим к себе.

И догонит, догонит. Догонит.
Но промолвит, взглянув на тела,
В ломке, в корчах последних агоний:
«Никогда не носили седла.
Не сидели, жирея у печки,
Не глядели на мир из окна,
Их эпоха клейма и уздечки
Не сумела догнать».

...Осторожные вырыли норы,
Осторожные сели на цепь:
Печь, герань и зелёные шторы,
Да легко достижимая цель.

Чтобы не было ветра и снега,
Волчьих ям, да ловцов и засад,
Рваных жил и одышки от бега,
Чтобы девственность шкур не спасать...
Заливаются гончие лаем,
Горло сохнет, и сучья трещат...
Если свора оставит нас злая –
От кого нам себя защищать?
Если время святых и лукавых
Одомашнит последних зверей,
Чем занять безработных легавых
И холёных лесных егерей?

И по прежнему – некому верить,
И по прежнему – нечего ждать.
Чтоб тебя принимали за зверя –
Надо прятаться. Надо бежать.

12 мая 1996 года

ОТРЕЧЕНИЕ

Мой посажен огонь
Будто в клетку – в камин,
Еле греет ладонь
Среди холода зим.
Уж рассёдлан мой конь,
И отпущен в поля,
Как итожащий стон
Стихла песня моя.

Я теперь не ищу,
Где упрятан мой клад.
Я смеюсь, я грущу,
Но уже невпопад.
И пытаться взлететь
Я уже не могу,
Лишь вполголоса петь,
То, что так берегу.

1985 год

* * *

Без меня высота – сирота,
И напрасно, что крылья растут –
Запретили мне нынче летать,
Я – «...без допуска на высоту...»
Почему? Я же раньше летал,
Восходящих потоков глотнул!
Запретившие на высоту,
Неужели в запрете мечта?!

Если мал – я ещё подрасту,
Буду метки чертить на стене,
Жить без допуска на высоту,
Значит только – полеты во сне...

Как стемнеет – открою окно,
Мой союзник и друг – темнота.
Шорох крыльев, сквозняк за спиной –
Это значит – Я БУДУ ЛЕТАТЬ!

И на фоне Луны промелькну
(Я не ангел, я просто расту!),
Не заставит ни пряник, ни кнут,
Жить без допуска на высоту.

22 апреля 1994 года

* * *

Мне не о чем мечтать,
Мне нечего жалеть.
Я не смогу летать
В железной чешуе.
Пора кончать театр,
Смывать холодный грим –
Я не влезаю в кадр,
Мне б стать собой самим.
Захлопываю дверь,
Задраиваю люк.
Я стану тих теперь,
Чтоб не нашёл и друг.

Я рву свои стихи,
Мосты бывлые жгу,
И жить теперь глухим,
Наверное, смогу.
Стираю голоса
С пластинок и кассет,
В блокноте адреса
И строки из газет.
Я выключаю свет,
Я выключаю звук,
И собственный портрет,
И отпечатки рук...

А радужный пузырь –
Ещё не дирижабль.
А всё, о чём просил,
Неисполнимо.
Жаль.

1988 год

РОПОТ

Живу, как смотанный клубок –
Ни согрешить, ни поперечить...
Ты жмёшь величием на плечи,
Суровый, вечный старец Бог!

Ты знаешь, скрытый облаками,
Что я опять нарушил пост,
Что неприличными стихами
Давно беременеет мозг;

Что подставлял нередко ножку
Тому, кто больше успевал...
Но я не крал стихов и ложек,
И, кажется, не убивал.

Но спит с открытыми глазами,
Как опытная медсестра,
Архангел, мой нездешний страж.
И нет страшнее наказания.

Что, так до самого конца
Бациллой ёрзать в чашке Петри?
Томясь за стёклами запрета,
Под наблюдением Творца...

24 сентября 1994 года

НАПОСЛЕДОК

Солнце каменное садится,
Закрывается западня.
Жизнь – причина самоубийства,
Это всё, что я смог понять.
Мне не хочется лицемерить,
И такая пошла игра,
Что охота уйти за двери,
За которыми спать пора.

Мне не хочется на кусочки,
Чтоб достаться тому, тому...
В этом споре я ставлю точку,
Открывая окно во Тьму.
...Ты останешься половиной,
Сточит сердце и душу тля,
Но любовь твоя, хваткой львиной,
Это тоже, прости, петля...

Небо чистое душу лижет,
Мне б на Господа уповать...
Но на злобу родных и близких
Кровью хочется наплевать.
Этот мир не придёт с повинной,
Не спохватится, зря казня.
Даже мать свою пуповину
С горла сына не хочет снять.

Я не кукла. Я настоящий,
И один, как закат, как снег.
Может, этот багровый ящик
Вас притянет магнитом всех?
Там, где воры и проходимцы,
В стороне от честных могил,
Вы друг другу взгляните в лица,
Так, как ранее не могли.

Есть причина закончить споры.
Улыбнитесь – почти кино:
Ваш Единственный, вот умора,
Вместо двери шагнул
В окно.

14 июля 1995 года

* * *

Героев из битвы несут на щитах –
Спешите, иудино семя! –
Спешите свои имена начертать
На жёлтых знаменах измены!

Любители массовых сцен в синема,
Вы, ждущие залпа «Авроры»,
Мечтайте оставить свои имена
На красных знамёнах террора!

Бурлит подозрительный водоворот,
Бессмысленный хаос базара.
Не тонет дерьмо, и стекается сброд
Под чёрное знамя корсара.

А те, кто считает, что всё потерял,
Кто стерпит удавку на горле –
В теплушки, на высылки, в концлагеря –
Под белую тряпку покорных...

Вы, верные долгу на все времена,
Апостолы горького пота –
Ступайте домой, и спокойного сна –
Вам завтра с утра на работу.

24 сентября 1994 года

ТОШНОТА

От вольной мысли нет лекарства,
А вольная душа – чиста.
Туза руководящей масти
Бьёт малый в звании шута.
От командирских баритонов
Он в самоволку первым шёл,
Где тишине больших приёмных
Предпочитают рок-н-ролл.

Его не выстроить по росту,
Не стоит ставить в общий строй:
Он и по масти, и по ГОСТу,
Не ординарец, а Герой.
Хранилище дикарской сути,
Он иноверец, он – другой.
Не задурить его, не спутать –
Он видит истину нагой.

Таким, как он, невыносимо,
Похоронив обиды, зная,
Какая в мусорной корзине
Идёт мышьяковая возня:
Вот соучастие для вида,
Вот нож неискренних похвал,
Вот путы вырожденной свиты,
Которую никто не звал,
И зависть с ликом равнодушия,
И подлость с дружеским лицом,
И уши стен, и просто уши,
И глупость расписным яйцом –
От них тошнит...

Кто центр тяжести смещает,
И не даёт черстветь душе,
Кто стадом управлять мешает –
Всегда отличная мишень.

Но будут помнить поколения,
Тотальной масти вопреки,
Кто в двери заспанной Вселенной
Бил, окровавив кулаки.

Март 1997 года

* * *

В.В.К

Соври, придумай что-нибудь,
Чтоб смог расправиться с тоской я...
Поможешь душу мне вернуть
Из комы, присмерти, покоя?

Соври, что было – приукрась,
Расшевели, как муравейник.
И станет корчиться, смеясь,
Неисправимый неврастеник.

Соври, как раньше это мог,
Взахлеб, наивных убеждая...
И горло вытолкнет комок
Тоскливо-смутных ожиданий.

Соври мне, нынче я – прошу,
Любимец пацанов и женщин! –
Даю полцарства, и не меньше,
За первосортную лапшу!

3 июля 1994 года

* * *

Ничего не хочу. Ничего.
Ни славы, ни манны небесной,
Ни разбитых сердец,
Ни вассалов, лежащих у ног...
Мне душно.
Мне тошно.
Мне тесно.

1988 год

* * *

Ночь. Я стою на балконе –
Жалкий обломочек лжи.
Выступил пот на ладонях,
Тихо, душа, не дрожи...

Вдребезги взять, и разбиться,
Бросившись вниз с этажа...
Жалобно вскрикнула птица,
Горлом метнулась душа.

Струсил? Шагни за перила –
Кончишь земные дела...
Помню, как мать говорила:
«Зря я тебя родила».

Кажется – тело вспарило,
Падая в бездну, в асфальт...
... Руки вцепились в перила
Накрепко, не оторвать.

Что же ты, адова сила,
Не помогла мне уйти?
Поздно. И слёзы бессилья,
И хрипло, как ворон: «Прости».

И не уснуть, не напиться.
Горек отчаянья дым...
Что ж обманула ты, птица,
Вестница близкой беды?

Июль 1992 года

* * *

Когда судьба казалась глупой пьесой,
Душа была не в силах боль вместить,
Весёлый человек сказал: «Напейся»,
Святой Андрей промолвил: «Крест неси».

Вот пройдены и ямы, и ухабы,
Вот миновали мёртвые ноли,
Весёлый звал развлекаться: «По бабам!»,
Святой взглянул и выдохнул: «Молись» ...

Когда придётся стать прямей и строже,
Скрестивши руки, веки опустить,
Воскликнет весельчак: «Он был мне должен!»
Святой ему ответил: «Бог простит».

Декабрь 1995 года

* * *

Верить хочется –
Всегда на удачу бьются
Рюмки, стопки...
Только жаль
Голубое блюдо.
1984 года

ГОРЯЧАЯ ТОЧКА

ГОРЯЧАЯ ТОЧКА

Никто не забыт и ничто не забыто.
Отыщется в прошлом вина –
Ударит война воронёным копытом
По стёклам окна.
Подбросят в огонь вековые обиды,
И кровь закипит, как гудрон...
Никто не забыт и ничто не забыто
С обеих сторон.

Война просочится со злобой сквозь поры,
И слово уже – динамит...
Троянская лошадь бесплодных разборок
За дверью стоит.
Никто не забыт и ничто не забыто,
Ни гордость, ни слава, ни боль.
Героев воспели, отпели убитых,
Но памятливы Бог:
Господь возопит поднебесным набатом,
Колышущим бранную твердь:
«Ответь-ка мне, Каин: я дал тебе брата.
Где брат твой теперь?!»

Пустынна душа, как разграбленный город.
Желания – адская смесь –
Дичают отцы и плодят мародёров,
И пестуют спесь.
Где сеяли хлеб – там посеяли мины,
Плуги отковав в топоры.
И жертвенных пешек рожают вагины
Для грязной игры.
От крови тошнит. Тело лижет усталость.
Пора закругляться, игрок!
... Но медленно-медленно движется палец,
Спускающий курок.

Кто первым устанет кривляться до пены,
В священном порыве дрожа?
Пить кровь побеждённых, кастрировать пленных,
Есть мясо с ножа?
Когда тишина тронет детскую зыбку –
Заглянет в окошко Луна,
Сыграет надежда на тоненькой скрипке,
Когда не война...
Вспотеет земля, а железо остынет,
Кулак разожмётся в ладонь,

Андрей Мирошников

**Чтоб вырастить дерево,
Вырастить сына
И выстроить дом.**
Февраль - апрель 1995 года

* * *

Война, засевшая в мозгах
Неразорвавшимся снарядом,
Всё травит память трупным ядом,
И бредит поиском врага.

Война. Не спрятать, не сокрыть –
В солдатских немощах и ранах,
Во снах последних ветеранов,
И в шумных играх детворы.

Война. Непогребённый труп
В траншее, вымытой дождями –
Из тех, кого не награждали,
Кого не помнят и не ждут.

Война. В пыли архивных дел,
На жёлтых бланках похоронок,
Лежит наследие. С пелёнок
Я знаю, где погиб мой дед.

Война. Пожары и разор,
Переселенья и парады,
Штрафбаты и заградотряды –
И боль, и слава. До сих пор...

Осень 1991 года

* * *

Ни звука. Умерло движение.
Роса прохладна и чиста.
Грядёт великое Сражение,
Что всё расставит по местам.

Заблещут в пламени пожара
Кроваво-красные штыки.
К проёмам триумфальных арок
Пойдут победные полки –
Неисчерпаемым потоком,
Переполюня берега...
Уже покорная Европа
Ковром постелена к ногам.
Европа – старый дом. Он тесен,
Могучий сдерживает рост.
Шагнёт пехота в неизвестность,
И ступит Армия на мост.

От пограничной речки сырость,
Туман скрывает берега,
И судьбы будущего мира,
И лик грядущего Врага.
Исчез в тумане предрассветном,
За Рубиконом, пробный шар –
Навстречу славе или смерти
Бесстрашный конный авангард.

Ведёт звезда Наполеона
Вперёд, к заставам казаков,
Непобедимые колонны
Двунадесяти языков.
22 декабря 1993 года

* * *

Сколько ни писано кровью,
Перьями сломанных крыл,
Но мышцы шлифуем мы, роя
Траншеи и щели могил.

Горнисты лобзают медь горнов –
Будут атаку трубить.
Родина помнит героев!
Родина примет гробы!

Лёгкие рвём на команды,
Глаза от прицелов косят,
Вкус солдафонской баланды
Мозг отравляет, как яд...

Пусть отдохнут наши губы
От поцелуев иуд!
Трубы, военные трубы,
Когда же вам глотки заткнут!

1985 год

* * *

Памяти отца

От попадания болванки
Звенит ночная тишина.
Звенит в ушах железо танка –
Опять привиделась война.
Бензином от зажжённой спички,
Внезапно вспыхивает боль –
Она военной добычей
На веки вечные с тобой.

Опохмелившись от победы,
И, тосты отзвонив в гульбе,
Плодят штабные дармоеды
Статьи и книги о себе.
А кто в аду крошечным не был,
Бронёй бумажной был прикрыт,
И торговал казённым хлебом –
Тот по ночам спокойно спит...

Сидишь, не понимая, где ты –
В глухом провале тишины –
Всё препираешься с портретом,
Глядящим строго со стены,
Считая – жизнь чужую занял,
У безымянных мертвецов –
И, воспалёнными глазами,
Глядишь в жестокое лицо.

А память,
Как немая дура,
Верна,
и цепкая, как вошь.
Так накрепко пришита к шкуре –
Не оторвёшь.

1995 год

* * *

Говорят, я рождён под счастливой звездой.
И везло, зачастую, как чёрту.
Но война – это дьявольское ремесло,
Где бывает, и шкуру подпортят...

Затянул меня, вывернул огненный смерч,
Опалил, изорвал, искорёжил –
И чинили меня, как музейную вещь –
Безнадёжно, считая. Но всё же
Попотели со мной гиппократы, трудясь –
Ковыряли, вонзали иголки,
И гремели, гремели в эмалевый таз,
Словно зубы дракона – осколки...

«Серебро на висках, серебро эполет...»
И печатью особого шарма
Мне кривые штрихи дописали портрет,
Иероглифы доблести – шрамы.
Косишь сено – торс гол – женщин точит слеза,
Пацаны: «Расскажи!», -- так и лезут.
А девчата застенчиво косят глаза,
Изучая автограф железа,

Злую зависть в парилке откроет мужик,
На которого «Бабы не виснут» ...
Да какой я счастливчик? – Начнутся дожди –
Ночь без сна. Без покоя. Без смысла.
Я бы мог рассказать всё за этим столом,
Да закуска, боюсь, не полезет...
Хватит. Байки травить – не моё ремесло.
Расспросите об этом железо...

1993 год

* * *

Ты в бэтээре догорал –
Железо корчилось, визжало...
А у меня жена рожала,
Когда ты в муках умирал.

Ты ехал в цинковом гробу,
Я с прибавленьем – из роддома.
Держал я сына на ладонях,
А мать твоя кляла судьбу.

На камне выбита медаль,
На камне цифры, имя, снимок.
Немыслимо, необъяснимо –
Я это имя сыну дал.

1996 год

* * *

Если кажется – скучно без драк.
Если кажется – пища пресна,
Будь уверен – появится враг,
И проснётся в берлоге война:
Рассчитает на первый-второй,
Кинет в грязь, зачеркнёт имена,
Заклеймит и поставит тавро,
Врежет в кожу свои письма.
И подпишутся кровью счета,
Серой сталью, зубами свинца.
Многоточие, точка, черта –
Прочитал я на теле отца.

Будешь землю ласкать и жену,
Будешь в землю бросать семена,
Ты полюбишь опять тишину,
Но напомнят себя письма:
Как хотелось остаться вдвоём,
Как любовники – ты и война.
Носит преданно тело твоё
Письмена, письма...
Оторвитесь от суетных дел,
Гляньте, новых людей племена,
На пергаментах старческих тел
Поспешите прочесть письма.

Блеск медалей кому-то – блесна,
Но расписка за них – на крови.
Если жизнь и скудна и грустна,
На крючок спусковой не дави,
Не подписывай кровью счета,
Хваткой стали, зубами свинца.
Видишь? Небо устало читать
Письмена, письма
Без конца.

14 января 1996 года

* * *

На тонкой шее новобранца
Висит посмертный медальон.
Боезапас.
Винтовки.
Ранцы.
Солдаты – имя –
Легион.

Рабы приказа и присяги,
Бегут, разбрызгивая кровь –
За честь империи и стяга,
За гордость тронов и дворов.

На перекрёстке пулемётов
Под корень скошена трава.
И в крике капитана: «Рота!» --
Рычанье раненного льва.

Заката красные туманы,
Рассвета красная роса...
Бегут солдаты – безымянные.
Лежат солдаты – без лица.

Однажды пулемётной лентой
Внезапно кончится война.
Герой бесславно канет в Лету,
Которая, увы, без дна.

1995 год

ЮЖНАЯ ОКРАИНА

-1-

Что ты знаешь, капля крови? –
Цену трусости и лжи.
В стороне средневековой
Летний сон ценою в жизнь.

Что скрывает лужа крови? –
Древний голос, голос-вой:
- Разбудите часового!
Засыпает часовой!

Горизонт угрюмый, словно
При распятии Христа.
Голос крови. Запах крови.
Хватит! Караул устал.
1981 год

-2-

Что расскажет капля крови? –
Цену трусости и лжи,
Что в затишье, после боя,
Хочешь выспаться, как жить.

Что расскажет кровь, что лужей
Просочилась сквозь брезент?
- Ночью сняли часового,
Перерезан контингент.

Что ты скажешь, голос крови?
- Хватит, выдохся дозор!
Спят мальчишки под неровной
Металлической звездой.

Скрип зубов и рук дрожанье,
Кровь бунтует: «Аз воздам!».
Обескровленной державе
Светит ржавая звезда.
22 сентября 1994 года

* * *

Нас учили отцы верить собственной лжи,
Нам о верности пели Иуды.
Мы не можем молчать! Мы не можем служить
Поколению тихого блуда!

Поколение вранья и раздутых зобов, —
Где вы были, куда вы глядели? —
Вас лишали сознания, лишали зубов,
А ладони восторгом зудели...

Четверть века я прожил на том берегу
И давился прогорклою тиной.
Больше так не хочу, дальше так не могу.
Вздулись реки и рвутся плотины.

Бровеносный отец, меднолобый герой,
Крестный папа Бабрака Кармаля,
Посылал пацанов под душманский свинец,
В эту реку расплавленной стали.

Там убитых из боя везли на броне,
Чтобы сделать достойным примером.
В этом диком раю, в этой чудной стране,
Где в ответе за всё пионеры.

1986 год

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Вот расставлены новые точки над «и»:
В город вносятся новые стяги,
И фельдмаршал усатый, но без бороды,
На коне, с обнажённой шпагой.

Он почти достаёт головой облака,
Он звенит позолоченной грудью...
Белый конь-победитель несёт мудака,
Как гарсон драгоценное блюдо.

Все цветы – победителям! Дамы визжат,
А на площади – люди, как мухи,
В храмах колокола вразнобой дребезжат
Ломким голосом пьяной старухи.

Обнимают девчонки других трубачей,
Гладят с трепетом тусклые трубы,
А с подвалов окраин сгоняют бичей,
Потихоньку закапывать трупы.

Припечатаны к рёбрам вождей ордена,
И медали на кожу героев.
Гром салюта, рёв песен и реки вина –
Торжествуй, побеждённая Троя!

Проигравшие битву уходят в леса,
Лечат раны, стирают мундиры,
И, над картой усталые щуря глаза,
Расставляют полки командиры.

Бородатый фельдмаршал напился и спит,
Улыбаясь сквозь приступы рвоты,
Что найдётся предатель, готовый открыть
И ему городские ворота.

1993 год

В ОБОЗЕ

То брысь на печь! ...
То мал, сиди в кустах! ...
Но вырос я! Не хилый, не болезный...
Ах, как тревожно, и призывно как,
За речкой бьёт железо о железо!

Как эхо вечевых колоколов
Вещает мне: «Довольно бить баклуши!»
Да я готов гнедого под седло,
В кольчугу грудь, и – да храни Бог душу!

Но волю старших выполняю без слёз,
В тяжёлый час не до моих истерик,
Что рвался в сечу, а попал в обоз,
За речку, да на безопасный берег...

... «Побьют без нас, в обозных нет нужды...»
Да нет уж, дудки! Разбудили беса!
Щекочет сердце близостью беды,
Пора туда, где сыплет звон железо.

Там, в мелодичном пении мечей,
Я чувствую, что нашим стало душно!
Нас разделяет маленький ручей.
Седлай коня! И, да храни Бог душу!

1987 год

МЯТЕЖ

Осень. Холодный ветер.
Ночь. Комендантский час.
Памятник в лунном свете
Конного Палача.
Бронзовый ряд регалий.
Бронзовый позумент...
В полночь Палач реален,
Даже когда он нем.

Дёрнулся, брови хмуря.
Скрежет металла – речь?
Выхватил старый дурень
Позеленевший меч.

Бронзовый инквизитор
Делает знак: «Пора»,
Требуя чёрный список,
Кличет былую рать.

В парке деревья стонут:
Корни дубов давя,
Скачет громадный конник
Бронзового литья.

Зашевелились монстры.
Памятники вождям
Выстроились по росту,
Двинулись к площадям.

Гулко гудят гиганты
Бронзой пустых голов,
Коваными шагами
Колется луж стекло.

Знает своё орава:
Банки, мосты и связь.
- Кто там шагает правой?
- Кто там у власти? Слазь!

Вдруг, на исходе ночи,
Башни раздался звон –
Час комендантский кончен!
Кончился страшный сон.
6 декабря 1994 года

ТЕМ, КТО ВЕРНЁТСЯ

Когда на карте указали точку,
И был приказ и короток, и скор,
Никто домой не написал ни строчки.
Жара... Дорога... Бронетранспортёр...

Я был уверен – держат нас на мушке,
Был каждый нерв растяжкой – только тронь,
Намётан глаз – хорошая ловушка:
Дорога, камни, сопки с трёх сторон.

Ты был солдатом. Что тебе приметы?
Твой дед когда-то пал за крепость Брест...
А помнишь, брат, что ты тогда ответил? –
Мол, Бог не выдаст – и свинья не съест.

Там было страшно. Так не пишут в сводках.
Накрыли нас, и короток рассказ:
Там, между сопок, как на сковородке,
Мы были, чтобы выполнить приказ.

Скажи, браток, а что мы там забыли,
Где даже Солнце было против нас?
Ты мне сказал, когда тебя убили:
«Мы остаёмся. Выполнять приказ».

Без нас домой отправится «двухсотый»,
И в цинки наши нечего вложить...
Непосланная половина взвода
Свою закончит службу, будет жить.

На вас никто не взмолится, ребята,
Для вас в тепле не припасали мест.
Вам повезло – вы были не в стройбате,
Вас Бог не выдаст, и свинья не съест...

Придёте вы. Пройдёт загар на лицах,
И вас за белых не сочтут ворон...
Вам – дальше жить. Но долго будут сниться
Дорога, камни, сопки с трёх сторон.

13 июля 1995 года

МУЗА

МУЗА

Я ждал её как ждут беды,
Как приступ жёлтой лихорадки.
Готовы чистые листы,
Как лазаретные бинты
Перед кровопролитной схваткой.
Напрасно, сидя взаперти,
Пытаться избежать искуса:
Когда она решит зайти –
Не помешать, не запретить –
Она не женщина, а Муза.
Так не похожа на других –
Покорных, нежных, плодovitых.
Её явления строги,
И приближаются шаги,
Как шорох похоронной свиты.
Невозмутимость палача,
Лицо рабыни кокаина
И жутких оргий по ночам,
А руки, с грацией змеиной,
Лоснятся на моих плечах.
Давя, сжимаются кольцом,
Впиваясь сладостно ногтями.
И, сев ко мне лицо в лицо,
Сосёт убогое дыханье,
Мне не давая стать творцом.
(... Всю ночь, слоняясь одержимо
Рабом, прикованным к столу
На цепь не более аршина,
То лип к оконному стеклу,
То чиркал почерком блошиным...)
Я слаб. Я до смерти устал
От графоманомазохизма;
Догадка-молния проста,
Как очистительная клизма:
Я пуст. Мне Гением не стать.
Я откажусь от притязаний.
Расслабься, забываясь сном,
Распотрошённое сознание –
Так беззащитна перед злом
Души открытая изнанка!
Всё. На столе последний лист,
Исполосованный багрово,

Андрей Мирошников

Где на бумаге запеклись –
Кардиограммоклинпись –
Слова, написанные кровью.
1994 год

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Так низко пролетает самолёт,
И кажется, что он сползает с крыши.
А небо – как материковый лёд:
Всё тяжелей, всё пасмурней, всё ниже.

И крошится на полочке фарфор
Под натиском чудовищного пресса,
И ужас вызывая, и восторг,
С желанием ещё разочек «врезать».

Разрушенные замки из песка –
Виденье, вызывающее ярость.
Похожая на реквием тоска,
Тоска и подступающая старость.

Жестокий и мучительный процесс,
Сравнимый только с медленным убийством,
Неблагодарный труд, тяжёлый крест –
Прожить неизлечимым реалистом.

Нет силы одиночества сильнее,
Когда святому не хватает места.
И горечь, растворённая в вине –
Последнее, невыгодное средство.

Отрава, неспособная помочь,
Дарующая балаганный трепет...
А за окном – серебряная ночь,
Податливая, тёплая,
Как пепел.

9 ноября 1993 года

* * *

Офелия пела, а речка текла,
А поздняя осень была так тепла...
Девушка венок сочетала из трав.
Офелия... Осень... Так было вчера.

Ударил мороз, так неожиданно суров.
Замёрзли пруды. Стал беспомощным ров.
Слуга, задыхаясь, примчался с пруда:
«... Офелия... мёртвая... в зеркале льда...».

Ах, если бы не было зимней поры –
Достали бы тело шесты и багры.
И пруд неглубок, и рукою подать...
Офелия в хватке зелёного льда.

Эх, Гамлет, зачем ты курочил гробы,
Тряс Йорика череп, мол, быть иль не быть,
Разыгрывал шизу, шпионил и врал,
Распутывал злые интриги двора?

Офелия держит венок на груди,
Офелию держат в объятиях льды.
Над башнями замка, как ветер, скуля,
Терзается, мечется дух Короля.

Он жалок. Он болен. Он проклят. Он нищ.
Сынок, оказалось, не мститель, а хлыщ,
Делов наворочал он, счёты сводя...
Офелия в небо глядит из пруда.

Священник осудит, пугнёт горожан:
«Ей в склепе семейном уже не лежать...»
Почти безупречна, чиста, молода,
Офелия спит под защитой льда.

Спасительный холод! Святая Зима!
Храните умерших, сошедших с ума!
Пусть держит блондинка, как символ святой,
Свой бедный венок из осенних цветов...

Офелия пела, а речка текла,
А поздняя осень была так тепла...
Девушка сплела похоронный венец.
Круг замкнут. Безумие – омут – конец.

1994 год

НОСТАЛЬГИЯ

Ностальгия. Душа беспокойством болеет,
И светла, и печальна, как реквием, долгая ночь.
Словно глупых детишек, врагов бескорыстно жалею,
А друзьям-неудачникам хочется чем-то помочь.

То ли лопнула нить, то ли голос подал колокольчик,
То ли ангел-хранитель гитару крылами задел...
Петь хочу, словно пить. А пою неподвижно и молча.
И плевать на часы, на которые раньше глядел.

Я ещё напишу,
Я ещё накарябаю строчки
Гениальных стихов... Но они не нужны никому...
Ностальгия – болезнь. Моё тело – её оболочка.
Ностальгия по нам – по тебе, по себе самому.

Ностальгия по песням, где голос воспрявшего духа,
И по женщине первой, по первым запретным плодам...
Ностальгия, ты кто? То ли девочка с ликом старухи?
То ли с девичьей грудью усталая, злая мадам?
Беспокойная жалость –
как крест, монолитом свинцовым
Я несу эту тяжесть на радикулитном горбе.
Ностальгию по тихим дождям и по Виктору Цою.
Зазвенел колокольчик. Нет, колокол!
Слышишь? Звонят по тебе.

Пусть меня в этот час не жалеют друзья и подруги,
Я же сильный мужик. Я – поэт. И к тому же – левша.
Под проточной водой мою руки с усердьем хирурга...
Ностальгия – не боль. Это просто проснулась душа.

5 марта 1991 года

МЕЛАНХОЛИЯ

Настигла меня одиночества
Липкая тень.
И умирать не хочется,
И жить как-то лень...
Псина – глаза-пуговицы
Траурных сюртуков,
Скука сочится сукровицей
Из облаков.
Похоть – безумие – творчество:
Кровная связь.
Небо на спины мочится.
Прошное – грязь.
Солнце мертво и неведомо,
Улицы – дно.
Руки отбиты запретами,
Жизнь – как кино:
Видится, но не верится,
На полотне
Что-то мелькает и вертится.
Я – в стороне.

1985 год

* * *

Поэты похожи на знахарей,
Что душу врачуют, коль плохо нам,
И сны, что наполнены страхами,
Как псины бездомные – блохами...

Поэтам злословили площади,
Пророчествам страшным не верили,
Резвясь с деревянною лошадью,
Беременной легионерами.

Поэтов казнят ненавидяще,
Петлёю, изгнанием, прессой ли...

Кассандра была ясновидящей.
Кассандра была поэтессою.

1991 год

* * *

Как наказание за грехи,
За блуд, за выпитое зелье –
Моё тяжелое похмелье,
Мои ничтожные стихи.

Мне душно. Не хватает слов,
И режут душу злее лезвий
Моя несбывшаяся песня,
Моя неспетая любовь.

1986 год

* * *

Бродит голос далекий
В закоулках двора.
Он похож на упрёки.
Это чья-то игра?
То слабее, то громче,
То тоскливей, то злей,
То клянётся прикончить,
То решится жалеть...
Бьётся улочкой тесной,
В полуночной тиши –
Сумасшедшего песня,
Или вопль души?
Чей-то призрачный голос,
Как застиранный флаг,
То осудит за подлость,
То хохочет: «Дурак!»
Молча ёжатся стены
Под клеймом «Спартака» ...

Это – ветер осенний,

Это – просто тоска.

31 января 1988 года

ВОЗВЫШЕННАЯ НАТУРА

Этот мир для тебя – никчѐмен.
Ты всё чувствуешь утончѐнно.
Почему говорят, мол, дура? –
Ты – Возвышенная Натура.

Я к тебе приходил в субботу –
Ты запоем читала Гёте.

А в прошедшее воскресенье
Был настольным Сергей Есенин.

В понедельник в слезах: «От Бога
Серебро и прохлада Блока...».

Вторник. Дождь, непогода, тучи...
Фет, Некрасов, Асеев, Тютчев...

В среду – слушал и удивлялся:
«Демон Лермонтовский являлся...».

И в четверг твой покой изранен –
Ходасевич и Северянин.

Мне шепнула Литература:
«Слушай, знаешь, она не дура,
Не простейшая, не мещанка.
Эта девушка – сущий ангел».

Вечер пятницы. С белой розой
Я пришёл (Ах, какая проза!) –
Ты пила с эфиопом водку из кружки алюминиевой...
12 февраля 1996 года

* * *

Поэту

Что за скорость? Какие искры!
Этот жребий – сгореть дотла –
Настигает внезапно-быстро,
Неожиданно, как игла,
И вонзается между рёбер,
Там, где сводит от выси дух...
Жребий, золотом высшей пробы,
Облекает тебя в звезду.
И, покуда горят петарды,
Слепит рампа, немеет зал –
Будешь Лиром и Бонапартом.
Ты – явление. Ты – звезда.

Побирушки-друзья, подружки,
Злое пойло, прицелы глаз...
Звезды, падая даже в лужи,
Освящают глухую грязь.

Что желтушная злость? Что плаха?
Что проклятья царей и жён?
Ты на чёрный Вселенский бархат
Божьей милостью пригвождён.
Заплюют и затопчут толпы,
Забодает не раз беда –
За тебя этот мир затопит
В наказание
С небес вода.
И омает венец печальный,
И вернёт изначальный блеск,
И заставит сиять ночами
Путеводной звездой с небес.

16 мая 1997 года

* * *

Почему я сижу до рассвета?
Для чего эти муки в ночи?
И слипаются веки от света
Лампы.

Лампы, а не свеч`и.

Время полночь. Сумерки жиже.
Скоро в душ. Слишком поздно в кровать.
Эти строчки уже ненавижу,
Но меня от них не оторвать...

Сумасшествие?
Может быть, может...
Но горит эта лампа-свеча,
И никто меня спать не уложит,
Разве только – топор палача?

Эта ночь –
И не цель и не средство –
Разгорается в поиске слов,
Эта искорка бывшего детства,
Эхо странного слова «ЛЮБОВЬ».

23-24 сентября 1991 года

* * *

Перед тобой открытое окно.
Там, извиваясь, тянется дорога,
Повдоль которой, словно сон цветной,
Рычанье льва и бег единорога.

Перед тобой открытое окно –
Во время шторма залетают чайки...
Но синее солёное пятно
Всё реже провоцирует сетчатку.

Перед тобой открытое окно,
Свобода ветра как свобода слова.
Но память спит, а на губах одно –
Протяжное мычание немого.

Перед тобой – открытое окно,
Цикады, Млечный Путь, стихи в тетради,
И прочее, что смертным не дано...

Ты спишь. И ничего тебе не надо.
7 февраля 1994 года

ЗОНА ПАМ'ЯТІ

ЗОНА ПАМЯТИ

Ликвидаторам аварии на ЧАЭС

Всё лучшее – в прошлом. Всё было – прошло.
И так несравнимо – кем были и стали...
В свечение травы и в кипении стали
Бедой отточила своё ремесло.

Нам было отмерено, было дано
Вложить своё сердце в горящий реактор.
Мы приняли вместо таблеток от страха
Свою сопричастность: «Мы все заодно».

И тщетны сомненья, нелепо число,
Труды уточненья – нас много ли, мало,
Кто выстоять смог, а кого поломало
Чудовищной силой, рванувшей в разлом.

Отметки каскадов, бессонница вахт –
Неравной борьбы благородные вехи.
Безжизненность леса, вздымавшего ветви
В немом вопрошании: «Кто виноват?»

Молчал человек за дубовым столом,
И пилы визжали: «Долой очевидцев!» ...
В пустых городах будет ветер резвиться:
«Что было – то было! Быльём поросло!»

Мертва Атлантида, и Троя нема.
Пустынная Припять, как призрачный Китеж...
Блуждает душа – безымянный подкидыш –
Не в силах как данность беду принимать.

Не вычеркнет имя звенящий графит,
Не спишутся чёрные комбинезоны,
И память не станет запретной зоной,
Заросшей мутантами сорной травы...

Живёт человечество. Целится вдаль,
Забыв, кто на кровлю взошёл, как на плаху...
Поёт о любви неразумная птица,
В неведомых сердцу далёких садах.

17 апреля 1996 года

НАВЕТ

Я – проклят. Умер дом,
В нём нет гостей.
На имени моём,
Как плесень – тень.

Не объявив войны,
Не подали мне рук.
В отсутствие вины,
Не верит друг.
Покой себе блюдут,
Кто ко всему готов.
Уймись, я не жду
В защиту чести
Слов.

На жизнь свою плюя,
Я самоистреблюсь.
Возможно, в петлю я,
А может – застрелюсь.

Но этот шаг бессилья
Кому и что докажет? –
От камня на могиле
Ляжет тень.
Та же.
1987 год

* * *

Издадека турчанка смуглая,
Трофей лихого казака,
Одна как перст, сиротка круглая.
Молчит, не зная языка.

Такая юная и нежная.
Лозинкой талия тонка.
Печать несчастья неизбежного –
В глазах щемящая тоска.

Стоят соседки за заборами,
По росту, словно на парад,
И на твою походку гордую:
«Чужая» – люди говорят.

Какое зло толпою бешеной
Они с тобою сотворят?
На красоту твою нездешнюю:
«У-у-у, нехристь...» – люди говорят.

И голова всё ниже клонится,
Всё реже ходишь со двора.
Засушлив год. Хлеба не родятся:
«Колдунья» – люди говорят.

Казак вернётся с битвы яростной,
Блестя иконой от наград.
И, пряча взгляд, ответит староста:
«Забили... Ведьма, говорят...».

5 сентября 1993 года

ПРОЩАНИЕ

Песня переселенца

Мы уедем отсюда. Мосты подожжём.
Уж не будем, от чувства шалея,
Допьяна целоваться под тёплым дождём,
В закоулках приморской аллеи,
И не быть для прохожих четой чудаков,
Не шататься по улицам сонным...
Этот город отрезав во веки веков,
Будем мучиться болью фантомной.

Как в туман уходили его фонари,
Он покроется дымкой печали...
Вот и всё. Словно умерло что-то внутри.
Словно жить начинаем сначала.
Мы не знали, что станем узлы собирать,
Как изгой. Мы – переселенцы?
Я бросаю его, чтобы не потерять –
Город Солнца и Моря, и Детства.

Разлетятся друзья и, увы, кто – куда,
К землям новым уйдут пилигримы.
Слышишь, как непривычно-тоскливо гудят
Корабли, проходящие мимо?
На утёсах остались ещё имена,
Здесь учился я драться и плавать.
И достойно удары судьбы принимать,
И, терпя поражение, не плакать.

...Молча слушая чаек, дать волю слезе –
Это больше, чем боль, это горе –
Ни с балкона квартиры, ни с кухонь друзей
Не увидеть привычного моря.
Отрекаясь, оставив, как бред или сон,
Как чужое, немилое, злое,
Мы однажды, в покое российских лесов,
Затоскуем по пыльному зною...

Тонет медленно Солнце в ленивой волне,
Мы вдохнём полуночную сырость,
Обернёмся на россыпь вечерних огней,
На окно опустевшей квартиры.
Всё. Пора. Пробежал холодок по спине.
Кинуть в пену прибоя монету,
Чтоб приехать сюда, хоть на несколько дней –
Жарких дней високосного лета.

18 октября 1992 года

РОССИЯ

Ты и свята, и воровата,
Моя ничейная земля.
Настырно сватали три свата,
То – Хлыст, да Пуля, да Петля.

Молк колокол. Звонили кружки.
Похмелье мучило и вошь.
Торжествовали три подружки –
Боязнь, да Ненависть, да Ложь.

Не сдюжили, не усмирили
Ни супостат, ни царь, ни льстец,
Но вечной славой одарили
Солдат, да Пахарь, да Купец.

Луна над путником убогим,
И лай полуночный собак.
И три судьбы, как три дороги –
Тюрьма, да Церковь, да Кабак.

И спишь медведем под снегами –
Легенда, памятник, урок...
Твой сон, как клад оберегают
И Бог, и Гений, и Пророк.

И ждут, дыханье затаили,
Не то друзья, не то враги,
Боясь твоей звериной силы,
Дремучей воли и тоски.

12 января 1993 года

* * *

Вадиму Алтухову

К друзьям, в досуг
Без стен ковровых,
В их щедрый, искренний уют.
В дебаты с хрипотой здоровой,
В которых истину куют,
Ворваться
В самый омут споров,
Нырнуть
В прокуренную муть,
Поверить в силу сдвинуть горы
И старый мир перевернуть.
Поковыряться в пианино,
И одолеть собачий вальс...
У всех сегодня именины,
Я верю вам! Люблю всех вас!
Забывать о времени, дороге,
Найти ещё с десятков тем,
Топтаться долго на пороге,
Почти оставшись насовсем.
Прощаться шумно, сильно, долго,
Крушить ночную тишину.
Орать:
«Братва! До встречи в морге!»
Идя домой, идти ко дну...

1987 год

БЕЗУМНІЕ

ПОЭМА

БЕЗУМИЕ

-1-

Болен я – думаю часто.
Этого не рассказать –
Мозг разрывает на части
Попавшая в череп фреза.
Боль надоедливой мухой
Возится в левом виске.
Плачет немая старуха,
Гладит меня по щеке.

Кто я? Француз или турок?
Юноша или старик?
Плохо побритый придурак
Возле закрытой двери.

Крикни – никто не услышит.
Плачь – никого не проймёшь...
Каждый – безумный и лишний,
И неудобный, как вошь.
Здесь убиваются мысли,
Здесь убивается честь.
Руки плетями повисли.
Лица тупые, как жесь.
Страна бесконечных дистанций
Тонет в счастливой грязи:
Огромный психневродиспансер,
Вечный аминазин.
Где-то на этих просторах
Ангел-хранитель увяз:
Помыслы с крыльями в ссоре,
С Богом нарушена связь.

«Нам ли грустить, семижильным?»...
Но где же нам столько найти
Неимоверных усилий,
Чтобы с ума не сойти?
Стать Потихоньку Счастливым,
Пить свой дешёвый коньяк?
Я не хочу, я брезгливый.
Дайте коня мне! Коня!
Больно! Вы слышите? БОЛЬНО! –
Где-то в душе, в глубине,
Мой непридуманный Воланд
Скачет на чёрном коне.
Остро врезаются в нервы

Грани железных копыт...
Боль – экзотичная стерва –
Любит того, кто не спит.
Останови, Заратустра,
С миром неистовый спор.
Может быть, скоро отпустят
За этот высокий забор?
Там, за решёткой оконной –
Полночь,
Мороз,
Тишина...
Только звенит монотонно
Тонкой фрезой
Луна.

-2-

Кому куда? Мне – в Ад!
Тот гад из преисподней
Сказал – оплатит.
Тот гад...

А я – в одном исподнем
Распят на полотенцах...
Мне некуда
И никуда
Не деться.
А эта сволочь Фельсман
Из выписной палаты,
Когда все спят,
Мне не развяжет полотенца...
Кого позвать? –
На крик
Слетятся белые халаты,
Неся расплату.

Кому куда? Мне – в Ад!
Да имейте ж совесть!
Иначе
Я опоздаю на последний поезд
Туда...

...Сказал, оплатит...
...Буду ждать...

-3-

Буря на крыше гнездится.
В трубах встревоженный рёв –
Воя голодной волчицей,

Мечется роза ветров.
Загнан, как зверь на охоте
Сворой поджарых борзых,
Спрятался от непогоды
Недолечившийся псих.
Всплыли былые обиды,
Дым ли то лезет в глаза?
Здесь прореветься не стыдно,
Правду не стыдно сказать –
Не будут заглядывать в душу,
Бить, насмехаться, пугать,
Глаза докучливых и уши
Засыплет, застудит пурга,
Боль убаюкает сказкой,
Жалобный стон заглушит...
Станет стерильной повязкой
Для обожжённой души.

Печь ненасытна, как Молох –
Книги, рисунки, стихи:
Пыльный бесформенный ворох,
Как перед Богом грехи.
Тлеют последние письма.
Кружится пепел в печи.
Смысл – в отсутствии смысла.
Имеющий слово – молчи.
Имеющий уши – не слушай.
Имеющий право – не смей.
... Холод вонзается в душу
Жалами тысячи змей...

Дачу по крышу накрыло,
Сумрак, да холод, да тишь.
Гулкость просторной могилы.
Только не умер, но спишь.
Хищные глотки вокзалов,
Хватка когтей психбольниц –
Люди больны и усталы,
Пыльные чучела птиц...
Плоская жизнь насекомых –
Много нас, кухня грязна.
Души – в клинической коме,
Духовность – на уровне сна.

.....

.....

Снежная шуба глухая,
Здесь до борзых далеко.
Тихо труба выдыхает

Души умерших стихов.

-4-

Я опоздал
На полуночный поезд
Туда.
Тот гад сказал – оплатит.
Сказал: «Дорога
в один конец
Недорог`а».
Двурого
Кивал...
А я был хил
И вял:
Я звал –
Уколов насовали,
Погас экран,
Сорвали
Стоп-кран.

-5-

Погружаюсь
В горячую ванну,
Как будто в Нирвану.
Кто бритву оставил на столике
В ванной?

Открой этот кран,
Не плачь, это просто такая игра.
Я не чувствую ран.
Мне просто пора.

Долей потеплее воды, Водолей.
Мне двигаться лень.
Лень...
Лень...
Лей...
Лей...

Октябрь 1991 - 27 октября 1997 года

БЕССОНИЦА

поэма

БЕССОННИЦА

-1-

Небрежно втиснуто в постель,
Как будто кукольное, тело,
И призраком не полетело
Не растворилось темноте;
Не взмыло в странные миры,
Лишённые привычных правил,
Где неприемлем смысл здравый,
Где правят правила игры.
Осталось биться в темноте
С необратимою отравой –
Голодной, суетной оравой
Наветов и плохих вестей,
Что душу душат и буравят...

Уснуть... Как бронзовые львы,
Как засыпалось только в детстве...
Я жду беспомощным младенцем
Усекновения главы
Луной,
    как лезвием меча,
Изгибом белого булата.
Как место жертвы палача,
Где должно корчиться в молчанье,
Мой дом так узок мне в плечах.
Полуночи неокончанье –
Тяжеловесная печать.

Под умолчание листвы
Творится высшее злодейство –
Гуляет гадина молвы,
Сильней раскачивая сердце.

Бессонницы зудящий струп –
Непробиваемые латы.
Безжалостный клинок пирата
Лишь чиркнет, высечет искру...
И всё настойчивей и злей
Поют дремучие уродцы,
Гноятся вечные вопросы,
Слезят глазницами старух.
И клокотанье площадей,
И липкий гул базарной рвани,
Разъели медленность Нирваны
Кипеньем суетных затей.

Всё ложь – и лето, и зима.
Всё ложь – от Вечности до мига.
От мёртвой тишины до крика,
Всё зыбко, истинно едва.
Всё неестественно, не так,
Не утолит мои печали.

(Но только в милости Христа
Корысти я не замечаю:
Он там, за пазухой у Бога,
За то, что милостью дарил,
И говорил об Отче строгом,
Отце небесном говорил,
И небо завещал убогим,
А после смерти – воспарил.
...И нам двоим – по тридцать три...)

И в фальши сокровенных чувств
Нет места чистому началу,
Что человечество венчало.
Где жезл Возвышенной Печали?
Где трон Вселенского Добра?
Где крылья Разума? Где Дух,
Что укрощает норы Плоты?

Бессонной полночи болото –
Иду, иду, иду, иду ...
Тяжелый ил свивает ноги,
И жадно чавкает, сопя,
Не спя.

Я – призрак, сумерек пятно,
Двойник Летучего Голландца –
Я не сумею лечь на дно,
Где снов льняное полотно,
И словно ласковые пальцы –
Касания морской травы...

Но в паутину парусов
Не дует ветер сновидений
И лай в созвездье Гончих Псов,
И гомон сотен голосов,
Упорно ищущих ответа
У тех, кто правит, кто привык
Не знать часов –
Тяжёлый якорь.

За облаками – острова,
Ещё не пуганные птицы.

Там, в чистоте иных традиций
Пречист и дождь...

Всё ложь! И если даже сон,
По зыби томной, неглубокой,
По малым дождевым протокам,
Тяжёлым крыльям в унисон,
Потянет призрачное судно,
Туда, где ровен горизонт –
Я знаю, нет таких посудин,
Спасти осатанённый мир.
И сменщик праведного Ноя,
Что проживает подо мной,
На самом нижнем этаже,
Беззубый, мрачный параноик –
Он пьян уже.
Реликтовый, как лвиный, рык –
Распластанный в тряпье ночлега,
Храпит старик.
Храпит старик, и нету дела до КОВЧЕГА...

Всё мстит за сорванный венец
Неповторимое мгновенье,
Кровоточащим откровеньем
Исходит памяти свинец.
И капли жгуче плавят ночь,
Стекло окна, стальные прутья,
Стекают брызги белой ртути –
Причина тягостного зуда.
Невмочь...

Подушка, жёсткая, как плаха,
В луче небесного меча,
Что скоро станет круглой бляхой...
Руби же голову с плеча!
Освободи больное тело,
Что не желает быть в родстве
С биеньем бешеным артерий,
С кипящей лавой в голове!
Беспамятством непоглощённость,
И нежелание забыть,
И обречённость – обращённость
К необратимости судьбы –
Руби!

Как неумелые стихи,
Корявы беглые виденья.
Монументальны наблюдения,

Монументальны и сухи...
Руби, бери на abordаж
Добро и Разум, Дух и Тело,
Чтоб всё в Тартарары летело,
Рвалось и корчилось – РУБИ!
И чёрный плащ, и крест, и книги,
Как неподъёмные вериги,
И камни эти, и гробы!
Ррубь! Бессонные огни,
И вой, и лай, и тихий шёпот,
И понимание, и опыт,
И убеждения, и дни.
И то, что сказано уже,
И то, что завтра скроет копоть,
Источит пагубная ржа...
Ррубь!!!
Я жду успокоенья.
Болят душа.

-2-

Тяжёлыми шагами Командора,
По коридору, в полной темноте,
Идут не те, кто мной любим, кто дорог,
Идут не те. Не те. Не те.
И жалкий, словно выгоревший порох,
Пустой, как тень,
Встречаю в немоте
Своих гостей,
Незванных и недобрых.
Нет сна.
Лишь чёрный нимб болит над головой,
Гудит, как колокол,
Серебряное блюдо
Луны,
Распугивая сны.
Нутро исходит зудом,
Хрустит разбитою посудой.
В ответ на бледный лунный свет –
Мой вой.
Мой долгий волчий вой.
Ломают мне
Хребет,
Но впитывает стоны
Тряпицей тёмной
Стена.
Немало тайн могла б она
Открыть:
Её бы сжать,

Как выжимают сыр,
И потечёт сквозь пальцы этих сил
Людских страданий эликсир.
Густой, дрожащий и живой,
Как этот вой –
Растерянный и мрачный
Восторг больной собаки.

...Под визг, восторги,
Свист и скрежет
Святой Георгий
Змия режет...

Рассвет
Распят,
А ветер – нем, он немощен и спет.
И свет не свят.
И любит боль душа.
Идут. Спешат,
Несущие затмение.

Знаменьем – шорохи плаща,
Мышиный писк и шорох в нише:
Похоже, что пробито днище
И тонет медленно Ковчег...
Но мой ночлег
Далёк –
Я лёг,
Но хочется бежать:
От их шагов, таких тяжёлых,
Устои времени дрожат,
Пространство путает предметы,
Приметы говорят о смерти,
Как о МЕРЕ,
О жизни – как о лжи дешёвой.
Но выше стоимости стога
И лав похвал,
Фанфар,
Литавр,
Кимвал –
Стена из серого бетона,
Застывший девятый вал,
Который
Ещё не миновал.
Но музыка маэстро Альбинони
Так хороша,
Что смерть не вызывает страха,

Но хочется
Дышать.

«Прах к праху» ...
Чистый – к небесам.
В чистилище –
Кто низок духом:
Низвергайся ниже
Могил,
Мышиных дыр в земле,
Метро,
Провалов шахт,
Гудящих недр,
Вещающих о страхе
Неровным рупором пещер...

Как скоро?
Ближе, ближе –
Тяжёлыми шагами Командора
По коридору, толпами,
Сюда...
Прям коридор. Не заблудиться.
И короткий. Как скоро?!
Идут. Сюда.
Как вешняя вода –
Не сдержат двери этого напора,
Разрубят в щепки тяжким топором,
Искуснее налётчика и вора,
Такую ненадёжную защиту.
И жалок шёпот: «Стойте, подождите...
Открою сам...».

-3-
Одиночество правит тебя –
Одиночество делает выше.
Одиночество дарит цветы
С придорожных могил.

-4-
Смола и дёготь...
Дёготь и смола –
Молва.
Но, как всегда,
Изысканно права,
Как два ствола,
Глядящих в оба
Из-за угла.
И даже из холодного угля,

Из пепла,
Что едва ли стоит трогать,
Молва способна распалить такое,
Что жарко будет небесам
И бесам тесно...
Смола и дёготь,
Дёготь и смола.
Она смела, как
Копоть,
Копоть,
Копоть.
Она смела и самых чистых трогать,
В смолу и перья вываливать тела,
Ворота – дёгтем,
Прикосновенья,
Имя – в грязь,
Слова и мысли,
Чувств высоту,
И чистоту
Высокого чела
Объять венцом из нестерпимых терний.
Она щедра.
Неслыханно щедра...

Она бодра. Она всегда бодра.
Она готово скидывает ушки
На тёплый звук, на шаг,
На темноту,
Где кроется биенье,
Шелест,
Шёпот,
Шорох,
Молчанье, большее, чем крик.
И вспыхивает порох,
И в наготу стреноженной судьбы,
Исторгнув рык,
Вонзает зубы
Свет,
И с жалостью ядра
Долбает в спину,
С жалостью костра
Сжирает кожу,
Корёжит стройность звука,
Нежность тени
И надёжность стен...
«У стен есть уши».

И тела нет.
Есть тушка.
Нет человека – силуэт.
Нет песни –
Нет такого слуха,
Способного услышать чистый звук.
И шаг уже не шаг,
А спутник грязи,
Двигатель штиблет!

.....
.....
.....

Ты слышишь? – Я зову!
И вот ответ –
Пошла волна.
Она! Но стоит испугаться,
Как эта тварь Молва
Готовит к казни –
Слышишь треск костра?
Пора! Спешу,
А то погаснет...
Как долго до утра?
Смола и дёготь,
Дёготь и смола...
Она сильна –
Коснётся – тухнет рыба,
И гаснет Солнце,
И огонь в печи.
Она вольна
Толкнуть на выстрел,
Под топор,
На дыбу.
Она сильна –
Всегда найдётся пара
Ушей,
Готовых всё принять,
Раскрытых, словно лоно бляди,
Для всех, кто излучает похоть...
И в эти уши,
Семенем заразным,
Исторгнется отравленный елей...
Она как крыса плодовита,
Липка, как клей.

Молва –
Наука вроде колдовства.
Но прост её закон,

И заклинанья –
Сплошь дрянные разговоры,
А зелье – желчь.
Подобно течной суке,
Молва рождает свору.
И свора рвёт
И треплет,
Треплет,
Треплет,
Рождая гибельный Везувий
Из горстки пепла...
Молва!
В безжалостном огне
Твоём,
В огне, достойном больше Ада,
Испепелюсь
До серого песка,
Сравняюсь с пылью
Полок книжных,
Музейных рам,
Подмостков,
Но никогда
Я пылью перекрёстков
Не стану,
И признав
Твое величие, молва,
И силу.

-5-

Всё не спит, не спит соседка,
Тычет линзами в окно –
Кто там мается в беседке? –
Страстно щурится в бинокль.
А пока светились окна
И не спали голоса –
У окна, в легавой стойке,
Тужа уши и глаза,
Всё смотрела и смотрела,
Всё боялась задремать...
Словно в секторе обстрела
Близлежащие дома.
Завтра утром, утром ранним,
На скамеечке внизу,
Словно ярмаркою дряни –
Птица-«тройка», скорый суд...
Ждёт восхода с нетерпением,
Что там стирка да бульон? –
Ждут полуночных трофеев

Уши.
Имя – легион.
Дворовая эстафета,
Смотр грязного белья...
Сарафанная разведка
Моет кости добела.

-6-

Как-то вечером звонил Бог,
Говорил, что одинок, мол.
Вдруг заплакал. Телефон смолк.
До утра ленивый дождь шёл.
Позвоню – проблема, мол, есть,
Я скажу Ему, поймет Он:
«Что-то плохо одному здесь,
Если ночью вместо сна -- стон».

Не жалею меня Ты,
ни-ни.
Не подумай, что ищу
блат.
Просто некуда мне
Звонить,
Только Ты мне,
Как всегда – рад...

Но, Ты гладишь – у меня
Стон,
И костями у меня
Треск,
Ведь рука Твоя –
Все сто тонн,
И тяжёл Тобою дан
Крест.

Если просто не могу
Так,
Если просто не хочу –
Здесь –
Может, это мой
Не-такт?
Или, может быть,
Твоя спесь? –

Ты захочешь, и замкнёшь
Круг,
Ты захочешь, и вернёшь
Сон,

И подаришь мне иной

Слух,
И услышу я иной
Звон.

И увижу в темноте
Свет,
Научусь одолевать
Ложь.
Только, может быть,
Тебя нет?
Или, может быть,
Ты всё
Врёшь?

-7-

Ну и ночка – ни рифмы, ни строчки.
Негде даже поставить точку.
И на белом листочке царит целина,
Это уже простыня изо льна.
Это и снег, и кристальный песок...
Но не склоняется долу висок.
Плещется пойло в граненом стекле,
Только бессонница злее и злей.
И продолжает стучать по ведру.
Гол человек на Вселенском ветру...

-8-

Зажигаю свечу
И молчу.
Словно ангел, рукою плеча,
Троекратно
Касается Вечность,
Обещая защиту
От вора, мента и врача,
От ревности женской,
От зависти милых коллег,
От друзей,
А также
Их праведного кирпича,
Летящего
В темя.

26 октября 1997 года

ОГЛАВЛЕНИЕ

СНЫ (1978 – 1998)

ОТ АВТОРА

СНЫ

Поговорите же со мной...

Вечное

Алёне Палажченко

Рождественское

Ночь страшна, как шабаш...

Перекуранный мрак...

Что-то холодно в квартире...

В тесной ниши тишины...

Тень на стене мне не по росту...

Такая странная болезнь...

ДОМИНО

Домино

Мне нравится запах твоих сигарет...

Странная пара

Колыбельная

Армагеддон

Рай

Парк. Открыта ржавая калитка...

Тьма

Памяти меня

Осенних веток письма...

Памяти Ларисы Платон

Я знаю, что такое холода...

Родниковую воду горстями...

ОТ МАТВЕЯ

Как всё вышло? – не помню...

Сосед

Притча

Ура! Ты придёшь...

Вот-вот опять начнутся холода...

Весна холостяка

Нет дороги...

Такая темень...

Чью-то смерть не считая потерей...

Пьют горькую граненою посудой...

Футболисты идут с мячиком...

Случай

Когда угасли восторги...

НЕЖНОБОЛЬ

Ты жила в заповеднике детских надежд.
Ночь новогоднюю слушай...

Кинороман

Горькая вишня

Скачут тёмные мысли...

Мы оба – актеры...

Цыганка

Тамаре

Обрати меня в Рыжего клоуна...

Если Феникс – пеплом согрей...

Хочешь – напьюсь вволю...

Просто женщине

Один звонок, письмо на пару строк...

Сарданапал

Татьяне Зиновьевой

Почему так тяжело одному?

Именины

Пианистка

Не дай нам Бог...

Я не могу тебя догнать...

Пульс – бешен...

Эротические миниатюры

ЗИГЗАГИ

Ветер ломает тяжелые ветви...

Я песню пою, а сердце моё...

Бег

Отречение

Кажется мне...

Без меня высота – сирота...

Мне не о чем мечтать...

Ропот

Напоследок

Героев из битвы несут на щитах...

Тошнота

В.В.К

Ничего не хочу...

Ночь. Я стою на балконе...

Когда судьба бездарней глупой пьесы...

Верить хочется...

ГОРЯЧАЯ ТОЧКА

Горячая точка

Война, засевшая в мозгах...

Ни звука, умерло движение...

Сколько ни писано кровью...

Памяти отца

Говорят, я рождён...

Ты в БэТэЭре догорал...
Если кажется – скучно без драк...
На тонкой шее новобранца...
Южная окраина
Нас учили отцы ...
Бесконечная история
В обозе
Мятеж
Тем, кто вернётся

МУЗА
Муза
Предчувствие
Офелия
Ностальгия
Меланхолия
Поэты похожи на знахарей...
Как наказание за грехи...
Бродит голос далекий...
Возвышенная натура
Поэту
Почему я сижу до рассвета...
Перед тобой открытое окно...

ЗОНА ПАМЯТИ
Зона памяти
Навет
Издадека турчанка смуглая...
Прощание (песня переселенца)
Россия
Вадиму Алтухову

БЕЗУМИЕ (поэма)

БЕССОНИЦА (поэма)